

18+

Александр Литовский

ДУША ПО ИМЕНИ ШУЛЯ

18+

Александр Литовский
Душа по имени Шуля

«Издательские решения»

Литовский А.

Душа по имени Шуля / А. Литовский — «Издательские решения»,

Случайная встреча, страстный роман и роковая ошибка, навсегда разделившая судьбы двоих. Между ними пролягут годы молчания и тысячи километров. Но их незримая связь окажется сильнее логики. В суровую реальность начнут вплетаться мистические события, пугающе живые сны и совпадения. Откровенный автобиографический роман об утраченных иллюзиях, мистике судьбы и памяти, где каждый шаг эхом отзывается сквозь десятилетия.

© Литовский А.

© Издательские решения

Содержание

ПАМЯТИ СУЛИКО ПОСВЯЩАЕТСЯ	6
Пролог. Эхо далекого сентября	7
Глава первая. Под небом старого Шяуля	10
Глава вторая. Двенадцать этажей над реальностью	21
Глава третья. Разговор двух тел	34
Глава четвертая. Сталь и нежность старого города	38
Глава пятая. Премьера для двоих	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Душа по имени Шуля

Александр Литовский

© Александр Литовский, 2026

ISBN 978-5-0071-3492-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТИ СУЛИКО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Родным душам

*Никто не выбирает для себя родную душу,
Она приходит в жизнь как предначертанный финал.
И что бы ни случилось, этот свет я не разрушу,
Ведь каждый в этом мире эту встречу долго ждал.*

*Никто не выбирает лабиринт земных скитаний,
Он дан нам как экзамен для проверки наших чувств.
Но тот, кто не сломался в час невыносимых терзаний,
Поймет, что без нее весь этот мир безмерно пуст.*

*Никто не выбирает этот миг пересечения,
Когда два взгляда в полутьме сливаются в один.
Мы черпаем друг в друге силы, свет и вдохновенье,
И вместе достаем до откровеннейших глубин.*

*Никто не выбирает нам любовь — она от Бога,
Она сойдет нежданно, словно ангел в тишине.
И пусть у нас с тобою непростая была дорога,
Награда — в том, что души спасены в одной волне.*

*Никто не выбирает это таинство вселенной,
Всё сложено до нас в незримых книгах бытия.
И только если связь была воистину нетленной,
Ты скажешь сквозь года: «Моя душа — и есть твоя».*

Александр Литовский

Пролог. Эхо далекого сентября

Прошлое никогда не мертво. Оно даже не прошло.

Уильям Фолкнер

Июнь 2024 года. Казахстан, г. Караганда.

Июнь 2024 года выдался удушливым. Воздух в квартире замер, и даже открытые настежь окна не приносили прохлады, а лишь впускали гул просыпающегося города. Я лениво пролистывал ленту в «Одноклассниках», ставших для нашего поколения своеобразным цифровым кладбищем воспоминаний. Уведомление от пустого профиля без фотографии не вызвало ничего, кроме раздражения.

«Здравствуйте, Александр. Меня зовут Саша, мне 27 лет. Я Ваша дочь».

Я криво усмехнулся. В голове мелькнуло: *«Опять мошенники или чей-то глупый розыгрыш. Слишком просто, слишком шаблонно»*. Пальцы, привыкшие к клавиатуре, быстро отбили скептическое:

«Девушка, вы случайно профилем не ошиблись?»

Ответ прилетел мгновенно, будто невидимая собеседница на другом конце экрана ловила абсолютно каждое мое движение.

«Моя мама — Сулико Беридзе. Вы называли ее Шуля...»

Мир вокруг меня замер. Обычный шум улицы за окном как будто выключили, оставив меня словно в вакууме.

Шуля... Это короткое, нелепое и бесконечно нежное имя было нашим общим секретом, паролем, которого не знал никто другой. Оно пахло встречами, ее неповторимым запахом и сентябрем 1996 года. Того самого месяца, когда жизнь казалась бесконечно долгой и счастливой. Двадцать восемь лет тишины рассыпались в пыль от одного слова...

В одно мгновение комната наполнилась призраками. Я почти физически почувствовал запах того сентября: терпкий аромат увядающей зелени, вкус армянского коньяка при первой нашей встрече и привкус ее помады на губах. Сулико... Моя Шуля... Женщина-нежность и женщина-ураган, с которой мы сгорали целый месяц, прежде чем жизнь и обстоятельства раскидали нас по разным полюсам, казалось, навсегда. Двадцать восемь лет я хранил это имя в самом дальнем ящике памяти, запертом на семь замков. И вот теперь они были сорваны одним коротким сообщением...

Следующие три дня выпали из реальности. Я ушел в «штопор». Тяжелый, глухой запой, который не был слабостью, а стал единственным способом унять невыносимый крик внутри. Алкоголь не давал ответов, но он хотя бы на время превращал лавину мыслей в невнятный гул. Двадцать восемь лет... У меня есть дочь, которой я никогда не менял пеленок, не вел в первый класс, не утешал после первых разбитых коленок и сердец...

На четвертое утро, когда туман в голове начал рассеиваться, оставляя после себя лишь свинцовую тяжесть и звенящую тишину, я взял в руки телефон. Пальцы еще подрагивали, но взгляд был трезвым и решительным. Прошлое вернулось, и бежать от него больше не было смысла.

Я открыл диалог в профиле и, помедлив секунду, набрал:

«Здравствуй, Саша. Прости за паузу... нужно было осознать. Как... как Шуля? Как мама? Где вы сейчас?...»

Экран мигнул. Статус «Печатает...» заставил меня вздрогнуть.

Ответ не заставил себя ждать. Саша была онлайн, будто все эти три дня, пока я топил шок в стакане, она сидела и гипнотизировала экран, ожидая моего возвращения из небытия.

«Мамы уже нет... Она умерла два года назад. Рак. Она долго болела, но не смогла справиться».

Слова на экране вдруг показались серыми и холодными, как надгробный камень. В комнате будто стало еще тише. Сентябрь 1996 года, который только что ожил в моей памяти яркими вспышками: ее смех, отблески заката в волосах, ее запах — всё это вдруг окончательно стало историей.

«Перед самым концом, когда она уже почти не говорила, — всплыло новое сообщение, — она позвала меня и прошептала: «Найди отца. Скажи, что Шуля его помнила, любила и ждала...» Вот я и нашла тебя, ПАПА...

У меня есть ее письма, которые она писала тебе, но они возвращались, а потом она просто писала и уже не отправляла. И есть несколько ваших фотографий того времени. Мама всегда плакала, когда смотрела на них, — продолжала дочь. — И... есть я. Я очень на тебя похожа, папа. Глаза точно твои».

Мое горло сдавило так, что стало трудно дышать. Двадцать восемь лет Шуля хранила это в себе. Двадцать восемь лет тишины, за которыми скрывались неотправленные письма.

Я смотрел на слово «папа» и чувствовал, как внутри что-то окончательно надламывается. Огромный пласт жизни, прожитый порознь, теперь лежал между нами пропастью, которую предстояло засыпать воспоминаниями.

«Сейчас я живу в Риге, — пришло новое сообщение. — Мама уехала отсюда в Грузию почти сразу после того, как вы расстались. Сказала, что ей нужно было сменить климат, чтобы не задохнуться от воспоминаний. Она любила этот город за его спокойствие, но, кажется, так и не смогла здесь тогда согреться. Потом через десять лет мама вернулась уже со мной...»

«Я обязательно приеду к тебе, дочь», — напечатал я, чувствуя, как по щеке ползет непрошенная слеза. — «И ты расскажешь мне всё про маму... И про себя... Расскажешь мне про всё, что я пропустил...»

Саша больше не ответила... Наверное, ей тоже было тяжело. Я отложил телефон, но экран продолжал светиться, выхватывая из полумрака комнаты углы мебели. В голове гудело от трехдневного забытья, но сердце колотилось чисто и страшно.

«Рига... Двадцать восемь лет... Умерла два года назад...» — вертелось у меня в голове.

Я закрыл глаза, и июньский зной 2024 года за окном сменился тем самым прощальным утром 29 сентября 1996 года. Это утро я прокручивал в памяти тысячи раз, как заезженную пленку. Серое небо, пустая подушка рядом со мной, еще хранящая тепло ее тела, и тишина, от которой закладывало уши. Шуля просто ушла. Поцеловала меня, бросила прощальный взгляд в дверях, закрыла ее за собой и исчезла из моей жизни, оставив после себя только свой запах, горькое недоумение и боль...

Три года... Я тогда вернулся в свой город и три чертовых года искал ее. Я ведь почти ничего не знал о ней. Обрывал телефоны знакомых, которые хоть как-то могли помочь. Всматривался в каждое похожее пальто в толпе, хотя я уже был у себя дома, далеко от нее. Я выл от этой неизвестности, не понимая, что я сделал не так, чем обидел, почему наш сентябрь оборвался на полуслове. А потом... потом я просто заставил себя сдаться. Заколотил эту дверь досками, покрасил серой краской будней и работы и выстроил другую жизнь на пепелище того самого утра.

И вот теперь в Риге, в городе из дождей и туманов, живет человек, в чьих жилах течет моя кровь и непокорный дух Шули... Моя дочь... Саша. Она назвала меня «папа», и это слово прозвучало как приговор всей моей прошлой жизни.

Два года ее нет... Два года Шули нет на этой земле, а я здесь пил чай, смотрел телевизор и даже не чувствовал, как мир стал беднее на одну улыбку. Она хранила наши фотографии и писала письма для меня в пустоту...

Я встал и подошел к окну. Там, на горизонте, где небо Риги должно было встретиться с моим небом, начиналась новая жизнь. Я до сих пор не знаю, почему Шуля ушла тогда, утром в далеком девяносто шестом году, но я знаю, что теперь, смотря в глаза ее и нашей с ней дочери, я, возможно, наконец-то получу ответ, которого ждал все эти годы...

И, глядя на раскаленное июньское небо, я осознал, что прошлое никогда нас не отпускает, а просто терпеливо ждет своего часа. И чтобы жить дальше, мне придется шагнуть назад в свои самые сокровенные воспоминания. Туда, где среди осенних дождей еще жива моя Шуля. Я должен заново прожить то невероятное время, когда грань между случайностью и вечностью растворилась, а совершенно незнакомый человек стал для меня таким родным и близким. Пришло время открыть ту самую заколоченную дверь и посмотреть, с чего же началась эта история...

Глава первая. Под небом старого Шяуляя

Мы не встречаем людей случайно. Они предназначены пересечь наш путь по определенной причине.

Карл Густав Юнг

Сентябрь 1996 года. Литва, г. Шяуляй.

Осень. Начало сентября 1996 года. Позади остался долгий перелет из привычной Караганды в прохладную, по-европейски сдержанную Литву. Успешно завершив все рабочие дела, я почувствовал ту легкую приятную пустоту, которая часто наступает после хорошо выполненной работы. Возвращаться сразу домой не хотелось, и я принял спонтанное, но очень теплое решение, завтра навестить родню по отцовской линии.

Мой путь лежал в Шяуляй. Это небольшой, но удивительно уютный и красивый город, с которым меня связывало много светлых воспоминаний. Именно здесь, вместе со своим мужем, жила моя любимая тетя Эля. Когда-то давно, будучи еще совсем молодым студентом Шяуляйского Политехникума, я жил под ее гостеприимной крышей. За эти годы многое изменилось, и к моему приезду в их семье подрастало уже трое детей. Зная радушие тети, я не сомневался, что меня примут с распростертыми объятиями, но обрушиваться на них как снег на голову мне совершенно не хотелось. Стеснять большую семью своим внезапным визитом было бы неправильно, поэтому я решил поступить тактичнее и остановиться в центральной гостинице города.

До Шяуляя я добрался поздно. На часах было около полуночи, когда я наконец-то получил ключи, поднялся на этаж и переступил порог своего обычного, ничем не примечательного одноместного номера. Устало сбросив дорожные вещи прямо у входа, я вдруг остро осознал, насколько сильно проголодался за эту долгую дорогу.

Спустившись вниз в предвкушении плотного ужина, я обнаружил, что двери гостиничного ресторана уже темны и закрыты. К счастью, неподалеку над соседней дверью светилась приветливая вывеска ночного бара, который, судя по всему, всё еще принимал посетителей. Недолго думая, я направился туда, втайне надеясь, что в столь поздний час там найдется хотя бы какой-нибудь перекус, способный утолить мой голод перед сном.

Зайдя в приоткрытые двери бара, я остановился на пороге и с интересом огляделся. Контраст с прохладной ночной улицей оказался разительным: внутри царило приятное тепло и обволакивающий уют. Интерьер был выдержан в благородных тонах. Взгляд сразу отметил добротную дорогую мебель, мягко сияющие хрустальные люстры и массивный камин, который придавал помещению особый шарм. Длинная барная стойка из темного полированного дерева плавно переходила в зону отдыха с большими панорамными окнами. За толстым стеклом этих окон безмолвно раскинулся ночной Шяуляй, мерцаая редкими городскими огнями. Из скрытых где-то под потолком динамиков негромко лилась музыка: плавная, тягучая джазовая композиция, в которой солировал бархатный голос саксофона.

Вся эта атмосфера словно окутывала невидимым пледом и невероятно располагала к тишине и умиротворению после долгой дороги.

Поздний час сделал свое дело, и людей в заведении почти не оказалось. Лишь в самом дальнем углу зала, скрытая густым полумраком, тихо ворковала какая-то парочка, чьи силуэты освещались только слабым мерцанием зажженной свечи. Мое внимание привлек другой столик, расположенный прямо у окна напротив барной стойки. Там в одиночестве сидела девушка. Перед ней стояла чашка кофе, а сама она была всецело поглощена чтением книги. Простран-

ство вокруг нее освещала лишь небольшая настольная лампа. Свет от ее абажура падал строго вниз, выхватывая из темноты только раскрытые страницы книги и небольшую часть стола. Лицо незнакомки оставалось скрытым в мягкой тени, пряча ее черты от посторонних глаз.

Я направился к бару, и мой путь пролегал как раз мимо ее столика. В тот самый момент, когда я почти поравнялся с ней, девушка вдруг оторвалась от своего захватывающего чтения. Она чуть приподняла голову и бросила на меня быстрый мимолетный взгляд. Всего на какую-то неувловимую долю секунды наши глаза встретились в этом уютном полумраке.

Миновав столик незнакомки, я уверенно прошел дальше и расположился на высоком стуле у массивной деревянной барной стойки. Буквально через мгновение ко мне подошел бармен. Это был мужчина примерно моего возраста, крепкого, явно атлетического телосложения. На нем была безупречно белая рубашка, а на груди аккуратно приколот именной бейдж.

— Добрый вечер! Что будете заказывать? — вежливо поинтересовался он, протирая стойку.

— Здравствуйте, — поздоровался я в ответ. — Мне, пожалуйста, пятьдесят граммов хорошего армянского коньяка, лимон и что-нибудь поесть с дороги.

— Кухня уже закрыта, к сожалению. Но если вы сильно голодны, могу по-быстрому соорудить отличные бутерброды, — извиняющимся тоном ответил бармен.

— Хорошо, сделайте, пожалуйста, парочку, — согласился я, понимая, что выбирать в такой час не приходится.

Пока бармен ловко готовил нехитрую закуску и очень тонко, мастерски нарезал лимон, передо мной уже появился бокал с коньяком. Я сделал первый глоток, неспешно смакуя терпкий вкус напитка. Завязалась легкая беседа, и мы быстро познакомились. Бармена звали Дэвид. Меня приятно удивило, что он изъяснялся на русском языке практически без акцента.

В самый разгар нашего общения безмятежность ночи внезапно нарушилась. За панорамным окном ярко, на полнеба, сверкнула ослепительная вспышка молнии. Вслед за ней раздались тяжелые, раскатистые звуки грома, и буквально в ту же секунду на город стеной обрушился проливной дождь.

Я повернулся на высоком стуле и с интересом посмотрел в сторону окна. Ливень был действительно очень сильный, настоящий шквал. От той спокойной, сухой погоды, при которой я всего час назад заселялся в гостиницу, не осталось и малейшего следа. На асфальте моментально образовались большие лужи, которые быстро слились в бурлящие ручьи. Вода с шумом утекала куда-то вниз по освещенным желтыми фонарями улицам ночного города.

Редкие, запоздалые машины еле плелись по этим внезапно возникшим огромным лужам. Их колеса создавали целые волны, с плеском разливая воду по брусчатке мостовой и пустынным пешеходным дорожкам. Я сидел в тепле, смотрел на эту стихию, и на душе становилось удивительно спокойно. Не знаю почему, но я всегда искренне любил такой проливной, по-летнему теплый дождь.

Глядя на струи воды, бьющие в стекло, я невольно погрузился в воспоминания. Перед глазами всплыло мое далекое, беззаботное детство, когда мы шумной дворовой гурьбой радостно бегали босиком по таким же лужам и увлеченно пускали бумажные кораблики по быстрым ручьям...

— Да, погодка разошлась, — прервал мои ностальгические воспоминания Дэвид.

Он вдруг замолчал, посмотрел поверх моего плеча, а затем снова внимательно посмотрел на меня.

— Вас зовут, — спокойно произнес он.

— Кто? — искренне удивился я, не понимая, кому я мог понадобиться в этом пустом баре посреди ночи.

— Вон та девушка у вас за спиной просит подойти к ней, — бармен легким кивком указал в сторону окна.

Я медленно обернулся. Буквально в паре метров от моего стула сидела та самая девушка, которую я заметил при входе в бар за чтением книги. Теперь небольшая настольная лампа была развернута абажуром в другую сторону, и мягкий свет падал прямо на нее, позволяя мне наконец-то хорошо разглядеть незнакомку. Она сидела в очень расслабленной позе, элегантно закинув ногу на ногу. Ее голова была чуть склонена набок, а на губах играла легкая, едва уловимая улыбка, с которой она смотрела прямо на меня.

Незнакомка оказалась потрясающе красивой. Первое, что приковывало внимание, были ее большие, выразительные глаза, которые в том уютном полумраке показались мне совершенно темными, почти черными. Лицо украшал аккуратный, изящный носик с едва заметной, аристократичной горбинкой и красиво очерченные, слегка пухлые губы. Когда она улыбалась, в уголках ее рта собирались милые, крошечные морщинки, придававшие ее лицу особое очарование и теплоту.

Ее длинные, черные как смоль и на вид невероятно шелковистые волосы были гладко зачесаны и строго собраны сзади в элегантный пучок. На лице практически не было косметики, лишь естественная свежесть. Правильные, благородные черты безошибочно выдавали в ней кавказское происхождение, и в моей голове сразу промелькнула интуитивная догадка, что передо мной грузинка.

Одета она была совершенно просто, но с безупречным вкусом и стилем. На ней были классические синие джинсы и удобные бордовые кроссовки. Сверху была надета легкая кофточка с длинным рукавом какого-то неопределенного, мягкого оттенка, с аккуратным, неглубоким декольте. На изящной шее мягко поблескивала тонкая цепочка из белого металла, с маленьким православным крестиком. Этот образ гармонично дополняли неброские украшения: в ушах мерцали небольшие сережки с красными камушками, а на одном из тонких пальцев правой руки красовалось изящное колечко с точно таким же красным камнем.

Глядя на нее, я почему-то вспомнил Шамаханскую царицу — персонаж произведения русского поэта Александра Пушкина «Сказка о золотом петушке»...

Легким, грациозным движением руки она пригласила меня присесть, плавно указав на свободный стул напротив себя. Я взял с барной стойки свой недопитый бокал с коньяком, подошел ближе и, присев за ее столик, тут же почувствовал невероятно тонкий завораживающий аромат ее духов. Это был не просто парфюм, а сложная и бесконечно притягательная композиция. В ней гармонично сплетались легкая прохлада осеннего вечера, едва заметная пряность согревающих специй и глубокая, манящая сладость. Этот благородный и уютный шлейф мгновенно окутал меня и навсегда запечатлелся в моей памяти как истинный запах того самого вечера и ее запах, который я помню до сих пор.

— Привет, меня зовут Сулико, — произнесла она приятным, бархатистым голосом с легким, едва уловимым, но очень красивым акцентом и открыто протянула мне руку для знакомства.

Немного засмущавшись от неожиданности, я осторожно пожал ее руку, едва коснувшись кончиков пальцев. В это короткое мгновение я успел заметить, что кисти рук у нее тоже были на редкость красивые и ухоженные, с тонкими, длинными пальцами и абсолютно безупречным маникюром.

— А я Александр, можно просто Саша, — приветливо ответил я.

Едва это имя слетело с моих губ, как произошло нечто необъяснимое. Улыбка вдруг застыла на ее лице. Девушка как-то странно, почти испуганно посмотрела на меня, словно сквозь время. В ее расширившихся глазах промелькнула тень внезапного узнавания, как будто она прямо сейчас вспомнила что-то невероятно важное или услышала отголосок чего-то очень знакомого. Она замерла, вглядываясь в мои черты с таким нескрываемым изумлением, словно само мое появление здесь, в этом осеннем сентябрьском баре, было ответом на давно заданный вопрос. Я совершенно не понял тогда причину этой резкой перемены и той мистической паузы,

повисшей над нашим столиком, но этот пронзительный, застывший взгляд навсегда врезался мне в память...

Выдержав эту небольшую, слегка затянувшуюся из-за ее реакции паузу, я решил сгладить повисшее напряжение и продолжил разговор:

— Сулико, это же грузинское имя?

— Да, грузинское... я грузинка, — тихо ответила она, медленно возвращаясь в реальность и снова смягчая свой взгляд.

Тут я еще раз, более внимательно, посмотрел в ее глаза и с удивлением обнаружил свою ошибку. При свете лампы стало ясно, что они вовсе не темные, как мне показалось издали. Оказывается, ее глаза были глубокого серого цвета с какой-то удивительной, отдаленной голубизной.

— Может быть, вам заказать что-нибудь? — галантно поинтересовался я, желая закрепить знакомство.

— Если можно, какой-нибудь коктейль, — с легкой улыбкой согласилась она.

Я поднялся, подошел обратно к барной стойке и попросил у Дэвида приготовить коктейль для моей новой знакомой, а заодно повторить порцию коньяка для себя. Оказалось, что бармен прекрасно знает все вкусовые предпочтения Сулико. Он понимающе кивнул и сказал, что всё сделает в лучшем виде и сам принесет напитки к нам за столик.

Я вернулся к нашему столику, плавно опустился на стул, и тут мой взгляд случайно упал на ее книгу. Она лежала на столе уже закрытая, но в свете лампы я отчетливо прочитал имя автора на корешке. Там значилось: «Василий Головачев».

— Вы читаете фантастику Василия Головачева? — спросил я с легким, неподдельным удивлением и сразу же добавил:

— Это мой любимый писатель-фантаст. А особенно мне нравится одно из его первых произведений, «Реквием машине времени».

Сулико посмотрела на меня с огромным любопытством и совершенно искренним изумлением. Не произнося ни слова, она медленно перевернула лежащую на столе книгу обложкой вверх. Крупные буквы на ней гласили: Василий Головачев, «Реквием машине времени».

— Невероятно... Это и мой любимый автор. И самая любимая его книга, — сказала она, не отрывая от меня своего глубокого взгляда.

В моей голове пронеслась буря мыслей. Как такое вообще возможно? Я сидел и смотрел на нее, совершенно опешив. Красивая, утонченная девушка, которая увлекается серьезной фантастикой? Да еще и читает именно ту книгу, которая так нравится мне самому?

Над нашим столиком повисла долгая, многозначительная пауза, полная обоюдного удивления. Эту звенящую тишину прервал тихо подошедший бармен.

— Ваш коктейль и коньяк, — деликатно произнес Дэвид. Он аккуратно поставил напитки на стол и так же незаметно удалился за свою стойку.

— Просто поразительно. Никогда раньше не встречал девушку, которая так любит фантастику. Да еще и ту же самую, что и я, — произнес я, всё еще не веря в происходящее.

— А я впервые встречаю мужчину, которому нравится фантастика, да еще и та, которая нравится мне, — с теплой улыбкой парировала она, сделав особый, игривый акцент на последней фразе.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. Сбросив оцепенение первых минут знакомства, я про себя отметил, что смех у нее очень приятный и невероятно заразительный.

— А можно спросить? — мягко произнесла Сулико. — Что тебе еще нравится? Ты не против, если мы будем на «ты»?

— Нет, не против, — ответил я, улыбнувшись. И тут же, поддавшись какому-то необъяснимому внутреннему порыву, задал вопрос:

— Скажи, а что означает твое имя... Сулико?

Она посмотрела на меня своими глубокими серо-голубыми глазами, которые при свете лампы казались бездонными, и мягко произнесла:

— В переводе с грузинского оно означает «Душа».

— Душа... — задумчиво повторил я, словно пробуя это слово на вкус. — А как можно называть тебя ласково? Или совсем по-домашнему?

— Суля, — просто ответила она.

— Суля? ... — опять задумавшись, переспросил я. — А можно Шуля? Мне кажется, так звучит очень даже красиво...

— *Душа по имени Шуля...* — вдруг совершенно неожиданно, словно по какому-то наитию, вырвалось у меня.

Шуля тогда ничего не ответила на эту фразу. Она просто посмотрела на меня каким-то особенным, долгим, проникающим в самое сердце взглядом и очень тепло улыбнулась. А затем, словно вернувшись к нашему прерванному разговору, она удивленно и с большим интересом спросила:

— Да, можно... меня бабушка называет Шуля... Как ты узнал?

— Ну... с твоей бабушкой я точно не знаком, — отшутился я, пытаюсь разрядить обстановку.

— Это... Это уж точно... — звонко рассмеялась она.

— Шуля... это же еврейское имя? — продолжил я свои расспросы.

Она в очередной раз удивленно посмотрела на меня. Видимо, она совершенно не ожидала, что я могу разбираться в происхождении еврейских имен.

— Да, еврейское... — подтвердила она. — У моей бабушки в роду были еврейские корни, и ей очень нравится это имя.

— Ну... тогда у меня есть тост, — сказал я и плавно поднял свой бокал. — За наших бабушек, здоровья им и долгих лет жизни.

Мы легонько чокнулись над столиком. Шуля сделала глоток своего коктейля, я выпил коньяк. Она смотрела на меня поверх бокала и улыбалась. Было совершенно очевидно, что мой тост пришелся ей по душе.

— Дэвид, повтори нам, пожалуйста, — попросил я, повернув голову и обращаясь к бармену.

Дэвид понимающе кивнул мне из-за своей стойки, и буквально через пару минут очередная порция напитков уже стояла на нашем столике. В это самое время парочка, которая весь вечер тихо сидела в дальнем, темном углу бара, наконец поднялась со своих мест. Они прошли мимо нас к выходу, вежливо попрощавшись с нами и с барменом.

Теперь мы остались абсолютно одни в просторном, безлюдном помещении бара. Разумеется, не считая тактичного бармена, который старался быть незаметным. Я снова бросил взгляд в панорамное окно. На часах было уже далеко за полночь. Бушевавший недавно дождь полностью прекратился. Улица внизу была совершенно пустынна, в свете ночных фонарей блесст лишь мокрый асфальт. Не было видно даже редких машин. Вокруг царили удивительная тишина и спокойствие, а из динамиков продолжала негромко литься приятная музыка.

Шуля мягким движением руки щелкнула выключателем, и небольшая настольная лампа погасла, погрузив наш столик в интимный полумрак. Внимательный Дэвид, сразу заметив это, бесшумно подошел к нам и зажег стоявшую в центре столика толстую свечу. Девушка с достоинством поблагодарила его легким, едва заметным кивком головы.

— Так что же тебе еще нравится, кроме фантастики? — с неподдельным интересом повторила свой вопрос Шуля, глядя на меня сквозь теплое пламя свечи.

Я опять с интересом посмотрел на нее. В этом мягком, танцующем свете свечи Шуля казалась еще красивее, еще загадочнее. От выпитого сладкого коктейля на ее бледных щеках

проступил приятный, едва уловимый румянец, а в глубине глаз заплясал какой-то совершенно новый, озорной блеск. Признаться честно, я и сам уже отчетливо чувствовал, как крепкий алкоголь начинает слегка кружить голову. Коньяк, выпитый на абсолютно пустой желудок, давал о себе знать. Мои сиротливые бутерброды, которые так заботливо приготовил бармен, продолжали лежать на тарелке возле барной стойки. Но мне было почему-то ужасно неловко прерывать нашу волшебную беседу и банально жевать их в присутствии такой утонченной девушки.

Наша беседа текла легко и непринужденно. Мы говорили и говорили обо всем на свете, совершенно потеряв счет времени с тех самых первых минут нашего удивительного знакомства. Слово за слово, выяснилось, что Шуле было двадцать семь лет. Мне на тот момент было тридцать три года. Родилась моя новая знакомая под огненным созвездием Стрельца, двадцать третьего ноября, в одном из самых красивых и старинных городов Грузии, Кутаиси. Там прошло ее детство, там она училась в школе. А после выпуска юная, амбициозная девушка приняла смелое решение уехать в Латвию, в Ригу. Именно там в тысяча девятьсот девяносто первом году она успешно получила высшее образование, освоив специальность архитектора.

После окончания учебы Шуля так и осталась жить и строить свою карьеру в этом прибалтийском городе. Слушая ее, я поражаюсь тому, насколько она была умна, глубоко начитана и как ярко блистала своим живым, острым интеллектом.

С каждой новой фразой открывались все новые поразительные факты: оказалось, что у нас с ней просто невероятно много общего. Даже наши профессиональные пути шли параллельным курсом, тесно соприкасаясь друг с другом. Она создавала красоту как архитектор, а я воплощал чертежи в реальность как инженер-строитель. Мы со смехом выяснили, что в школьные годы нам искренне нравились абсолютно одинаковые, казалось бы, сухие предметы: строгая физика, загадочная астрономия и требующее точности черчение. Удивительно, но даже любимые цвета в одежде у нас совпали с пугающей точностью: мы оба отдавали предпочтение благородному черному и глубокому бордовому оттенкам. Как покажет время, этот список совпадений будет только расти: позже выяснится, что наши идеальные завтраки состояли из одних и тех же блюд, мы оба находили покой в стихах Киплинга, любили музыку Шопена и питали слабость к скорости, обожая гонять на мотоциклах. Но до этих открытий было еще далеко.

В Литве Шуля находилась в долгой рабочей поездке. Как талантливый архитектор и руководитель проекта она лично курировала стройку и масштабную реконструкцию сети торговых домов. Ее объекты располагались сразу в трех крупных литовских городах: Вильнюсе, портовой Клайпеде и здесь, в Шяуляе. В те годы именитый бренд «Армани» только начинал агрессивно осваивать новые территории, стремительно набирая обороты на перспективном рынке стран бывшего Советского Союза, и Шуля была в самом центре этих масштабных процессов...

По мере того, как наш разговор набирал обороты, я с удивлением замечал, как накопившаяся дорожная усталость полностью растворяется без остатка. Первоначальная вежливая скованность двух случайных попутчиков исчезла сама собой, уступив место искреннему любопытству, а затем и глубокому притяжению. Совершенно неожиданно для самого себя я вдруг осознал, насколько мне приятно, легко и удивительно комфортно общаться с Шулей. В нашей беседе не возникало ни неловких пауз, ни малейшего напряжения. С каждой минутой я всё отчетливее чувствовал, как между нами исчезают абсолютно все невидимые преграды, уступая место тому самому мощному и необъяснимому внутреннему притяжению. Возникало стойкое, почти мистическое чувство, будто я знал ее всю свою жизнь, знал каждую интонацию ее голоса и каждый жест, хотя в реальности встретил только этой дождливой ночью.

Рядом с ней меня окутало удивительное, давно забытое ощущение настоящего дома, абсолютного покоя и душевного тепла. Это было самое настоящее дежавю, словно мы уже были вместе в какой-то другой, давно минувшей жизни, а сейчас по воле случая просто нашли друг

друга вновь. Она оказалась тем самым редким человеком, рядом с которым отпадала всякая необходимость носить маски или пытаться казаться лучше. С ней я почувствовал себя полностью, на все сто процентов самим собой.

Глядя в ее глаза, я вдруг отчетливо понял, что, наверное, это и есть та самая вторая половинка, та единственная родная душа, которую людям крайне редко выпадает шанс встретить дважды на своем земном пути. Ведь мы всю свою сознательную жизнь неосознанно кого-то ищем, перебираем варианты, ошибаемся, а потом однажды совершенно случайно, в пустом ночном баре, вдруг встречаешь свое, бесконечно родное и близкое. В такие моменты человек искренне верит, что это чудо теперь останется с ним навсегда. Но, к великому сожалению, у жизни всегда есть свой собственный сценарий, и она неумолимо вносит в наши светлые планы свои жестокие коррективы...

Из этих глубоких философских размышлений меня вырвал затухающий свет на нашем столике. В какой-то момент я обратил внимание, что толстая восковая свеча, заботливо зажженная Дэвидом, уже почти полностью догорела и теперь слабо потрескивала в лужице расплавленного воска. Я поднял голову и посмотрел на большие настенные часы, висевшие на стене прямо над деревянной барной стойкой. Стрелки неумолимо показывали почти шесть часов утра.

Я перевел взгляд на большое панорамное окно и увидел, как над крышами Шяуля уже неуверенно брезжил серый, прохладный осенний рассвет. Мы уже порядком устали от этого бесконечного марафона эмоций и ночных откровений. К тому же мне стало откровенно жалко нашего невольного и молчаливого стража, бармена Дэвида. Этот тактичный человек провел с нами практически всю ночь и из-за нашего затянувшегося разговора совершенно не мог закрыть заведение и уйти отдохнуть.

Шуля вдруг посмотрела мне прямо в глаза, словно без труда прочитав все мои потаенные мысли. В наступившей тишине она протянула руку и мягко взяла мою ладонь. Ее кожа оказалась удивительно сухой и обжигающе горячей. В этом неожиданном прикосновении непостижимым образом сочетались трепетная нежность и какая-то скрытая женская властность. Я буквально замер от удивления, почувствовав, как от ее пальцев по моей руке мгновенно пробежала стайка мурашек. Поддавшись ответному порыву, я тоже очень осторожно коснулся ее своей свободной рукой, медленно и невесомо провел кончиками пальцев по гладкой тыльной стороне ее ладони и тут же почувствовал, как она едва заметно вздрогнула от моей ласки.

— *Сашуля*, пойдем по домам, уже поздно... или рано, — очень тихо и проникновенно произнесла она.

При этом она перевела свой взгляд в панорамное окно, за которым над городом уже неумолимо всходило осеннее солнце. От такого неожиданного, невероятно теплого и интимного обращения ко мне я совершенно растерялся, и, будучи полностью обескураженным ее искренностью, почти прошептал:

— Да... да, пойдем, конечно...

Мы неспешно встали из-за нашего столика. Я подошел к стойке и полностью рассчитался с терпеливым барменом, после чего мы вместе вышли из помещения ночного бара в прохладный холл гостиницы. Из нашего разговора я уже знал, что Шуля живет на самом верхнем этаже в просторном номере люкс. Разумеется, я решил проводить ее до самых дверей.

Подойдя к дверям лифта, я нажал на кнопку. Мы шагнули в кабину, и как только металлические двери с легким шумом закрылись за нашими спинами, отрезая нас от остального мира, произошло то, чего я никак не мог ожидать. Шуля вдруг сделала шаг вперед и всем телом неожиданно прижалась ко мне. Она крепко обвила своими красивыми руками мою шею, обдавая меня волной своего неповторимого парфюма, и горячо прошептала мне прямо на ухо:

— Поцелуй меня...

Лифт плавно поднимался вверх и наконец остановился на нужном двенадцатом этаже. Створки дверей бесшумно открылись, приглашая на выход. Однако мы даже не шелохнулись, продолжая стоять в полумраке кабины, крепко обнявшись. Мы стояли так какое-то время, забыв обо всем на свете, пока Шуля не нарушила эту звенящую тишину своим тихим вопросом:

— Мы завтра... вернее, уже сегодня, увидимся?

— А ты этого хочешь? — так же тихо и с замиранием сердца спросил я в ответ, боясь разрушить магию момента.

— Очень хочу... встретимся вечером... пока! — с искренней, радостной улыбкой выдохнула она.

С этими словами она мягко освободилась из моих объятий и сделала решительный шаг из лифта. Напоследок, уже находясь в коридоре, она грациозно обернулась, одарила меня еще одной теплой улыбкой и медленно исчезла в утреннем сумраке длинного коридора двенадцатого этажа.

Окончательно ошарашенный всем произошедшим, я еще какое-то время неподвижно стоял в пустой кабине лифта, пытаюсь осознать реальность этого невероятного утра. Наконец, немного придя в себя, я нажал нужную кнопку и спустился на свой этаж. Зайдя в свой номер, я вдруг почувствовал, как на меня навалилось просто зверское чувство голода. Эмоциональное напряжение спало, и организм властно потребовал свое. Я отчетливо подумал, что на такой пустой желудок просто не смогу заснуть, несмотря на всю накопившуюся усталость и бессонную ночь.

Недолго думая, я решил вернуться обратно в бар. Слава богу, терпеливый Дэвид еще не ушел и только приводил зал в порядок. Я вновь привычно присел на высокий стул у деревянной барной стойки и с огромным аппетитом принялся уплетать свои давно остывшие бутерброды.

И, пока я с наслаждением утолял голод, наблюдавший за мной Дэвид вдруг задумчиво произнес:

— Странно... я Сулико уже очень давно знаю. Она уже несколько лет приезжает к нам по работе и почти постоянно вот так же вечерами сидит за этим столиком у окна. Поверь мне на слово, отбоя от настойчивых поклонников у нее никогда не было, но ты — первый мужчина, с кем она вдруг стала вот так открыто общаться.

Бармен замолчал, словно обдумывая свои собственные наблюдения, выдержал небольшую, многозначительную паузу и тихо добавил:

— За всё это долгое время я сегодня в первый раз услышал, как она смеется. Искренне надеюсь, что у вас всё будет хорошо...

— Я тоже на это надеюсь, — ответил я, посмотрев на этого внимательного человека с глубокой благодарностью за его важные слова.

Тепло попрощавшись с Дэвидом, я крепко, по-мужски пожал ему руку, вышел из притихшего бара и неспешным шагом пошел обратно к себе в номер.

За окнами гостиницы уже вовсю светлело небо. Начинался новый, свежий день этой удивительной осени. Жизнь продолжалась, но теперь в ней появилось что-то совершенно новое, невероятно важное и прекрасное...

Проснувшись после полудня, я почувствовал себя совершенно иначе. Привычная серость будней куда-то исчезла, уступив место легкому, волнующему предвкушению. Мысли то и дело возвращались к ночному бару, тонкому аромату духов Шули и тому головокружительному моменту в лифте.

Мы встретились вечером того же дня, как и договорились. Шуля спустилась в фойе гостиницы. Все такая же ослепительная, но теперь в свете вечерних огней ее красота казалась еще более теплой и земной. Следующие три дня больше не были просто сухой чередой событий.

Они превратились в калейдоскоп живых, пульсирующих мгновений. Я помню, как мы сидели в крошечной кофейне, и она задумчиво водила кончиком пальца по краю фарфоровой чашки, ловя мой взгляд. Я помню наши долгие вечерние прогулки, когда наши плечи легко соприкасались при каждом шаге. Нам даже не нужно было постоянно разговаривать, чтобы чувствовать эту невероятную близость. Достаточно было просто переплести пальцы и молча идти вперед по блестящим от влаги улицам старого города. Мы практически не расставались...

На второй день нашего знакомства, в прекрасное солнечное утро, мы спустились завтракать в ресторан отеля. Погода стояла по-летнему теплая, воздух прогрелся до двадцати градусов, что для прибалтийского сентября было настоящим подарком. Но внезапно, как это часто бывает на Балтике, небо стремительно заволокло тяжелыми тучами, и на город опять обрушился теплый осенний ливень. Шуля подошла к большому окну, задумчиво посмотрела на хлещущие потоки воды и тихо спросила:

— Сашуль, ты любишь такой теплый дождь? Я очень люблю.

И тут я понял, что наши интересы совпали в очередной раз. Я ответил, что всегда обожал такую погоду, ведь именно в проливной дождь я вспоминал детство, когда мы гурьбой, забыв обо всем на свете, бегали по лужам.

Услышав это, Шуля вдруг встрепенулась. В ее глазах блеснул озорной огонек. Она решительно схватила меня за руку и со смехом потащила на выход. Выбежав из гостиницы на улицу прямо под этот ласковый, согревающий дождь, мы, недолго думая, сняли обувь, закатали мокрые штанины брюк и стали бегать босиком по огромным лужам. А потом мы долго стояли у самого бордюра на проезжей части. Вода бурлила, обтекая наши щиколотки, а мы обнимались и бесконечно долго целовались, не замечая ничего вокруг. Редкие машины осторожно притормаживали и старались объезжать нас стороной, пока один торопыга-водитель на полной скорости не окатил нас водой из лужи. Я рефлекторно попытался прикрыть Шулю своей спиной, но это мало помогло, и брызги накрыли нас с головой. Насквозь промокшие и перепачканные грязью, но безмерно счастливые, мы, громко смеясь, побежали обратно в гостиницу. Благо, успели отойти от нее совсем недалеко...

Сентябрь в Шяуляе в том году выдался действительно удивительно мягким и теплым. Мы часами гуляли по уютным улочкам старого города, шуршали опавшей листвой в тихих скверах и парках. Я взял на себя смелость стать ее личным гидом, с гордостью показывая знаковые места, которые были мне так хорошо знакомы. Мы бродили вокруг старинных зданий, разглядывали фасады, и здесь нам всегда было о чем поговорить, ведь Шуля была архитектором, а я инженером-строителем. Мы понимали друг друга с полуслова.

— Саш, ты только посмотри, какая интересная архитектура, — восторженно говорила Шуля, разглядывая старинные фасады. — Эти узкие окна, арки... В них столько истории.

— Тебе как профессионалу точно виднее, — улыбался я, любуясь тем, как горят ее глаза. — А для меня этот город — сплошные воспоминания. Вот, например, здание моего техникума, где я учился.

Мы остановились у знакомых мне стен.

— Часто сбегал с лекций? — с лукавой улыбкой спросила она.

— Бывало, — улыбнулся я. — Особенно весной, когда сидеть в аудитории было просто физически невозможно...

Мы двинулись дальше, и я стал рассказывать Шуле забавные истории из своего студенческого прошлого, а она слушала, чуть склонив голову набок, и ее глаза светились глубоким, искренним интересом. Во время одной из прогулок по центральной улице мы вышли к кра-

сивому старинному зданию, нижний этаж которого был частично скрыт за строительными лесами.

— Сашуль, смотри, — Шуля вдруг остановилась и с гордостью указала на высокие фасады, затянутые строительной сеткой. — Это как раз то место, над которым я сейчас работаю.

— Это твой проект? — я профессионально прищурился, оценивая масштаб.

— Да. Мой проект реконструкции, — кивнула она. — Здесь скоро откроется новый торговый дом бренда «Армани». Хочешь зайти посмотреть? Оценишь работу архитектора своим взглядом.

— Конечно, коллега, — улыбнулся я и галантно пропустил ее вперед.

Мы обошли леса и через временную дверь оказались внутри. Здесь царила та самая атмосфера рабочей стройки, которая была до боли знакома нам обоим: стойкий запах бетонной пыли, свежей грунтовки и влажной штукатурки. Помещение оказалось невероятно просторным, с высоченными сводчатыми потолками и массивными несущими колоннами. Рабочие уже заканчивали черновую отделку, и сквозь строительный хаос начали проступать элегантные, выверенные линии будущего роскошного бутика.

В центре зала, на импровизированном столе из сбитых досок, были развернуты ватманы с рабочими чертежами. Шуля уверенно подошла к ним, мгновенно преобразившись из романтической девушки в серьезного специалиста.

— Хорошо придумано, — констатировал я, пока осматривал арочные проемы и сложную систему вентиляции под потолком. — Очень грамотно использовано пространство. Ты решила не прятать эту старую кирпичную кладку под гипсокартон?

— Именно! — вдруг оживилась Шуля, проводя тонким пальцем по линиям на чертеже. — Я подумала, что этот исторический контраст между суровым камнем здания и утонченным современным итальянским стилем придаст торговому залу особый шарм. Вещи от «Армани» будут смотреться здесь совершенно иначе. Как тебе такое решение?

Я подошел к ней вплотную, посмотрел на сложные, мастерски выполненные эскизы, а затем перевел взгляд на её вдохновленное лицо. В полумраке строящегося зала, со слегка испачканными мелом пальцами, в своей профессиональной стихии она казалась мне еще более притягательной.

— Очень хорошо, Шуля. Правда, — искренне ответил я. — Снимаю шляпу перед твоим талантом.

Она звонко рассмеялась, и ее заразительный смех эхом отразился от высоких каменных стен...

Позже, покинув стройку, мы вышли к великолепному католическому собору. Его шпили устремлялись высоко в осеннее небо. Не сговариваясь, мы подошли к массивным деревянным дверям и тихонечко зашли внутрь.

В храме, кроме нас, никого не было, и царила невероятная, звенящая тишина и благоговейный полумрак, разбавленный лишь светом, пробивающимся сквозь разноцветные витражи. Мы осторожно прошли по длинному проходу и сели на самые передние скамеечки. Величие высоких сводов и строгая красота алтаря завораживали. Мы долго сидели молча, не в силах оторваться от этой красоты, словно боясь нарушить святость этого места.

— Как здесь спокойно... — наконец прошептала Шуля, слегка наклонившись ко мне. — Такое чувство, что весь мир с его суетой остался где-то там, за дверями, а здесь... здесь только вечность.

И немного помолчав, она опять едва слышно продолжила, задумчиво глядя на мерцающие вдалеке свечи:

— Мне иногда кажется, что такие внезапные встречи, как у нас, происходят не просто так. Словно они нужны для того, чтобы оставить после себя нечто очень важное. Нечто живое и прекрасное, что будет жить даже спустя долгие десятилетия, совершенно независимо от нас самих.

Я смотрел в ее глаза и просто согласно кивал. В те дни я даже представить себе не мог, насколько пророческими окажутся эти тихие слова и какое именно невероятное чудо они предвещают...

Когда мы вышли из храма, на улице заметно похолодало и подул свежий прибалтийский ветер. Мы остановились на аллее парка. Я поежился от холода, приподняв воротник куртки.

Шуля вдруг шагнула ко мне совсем вплотную, сняла свой мягкий шарф и очень заботливо, в несколько нежных движений, повязала его мне на шею.

— Простудишься, Сашуля, — тихо произнесла она.

— А как же ты? — спросил я, глядя, как Шуля ласково расправляет складки ткани на моей груди.

— Ничего, я уже привыкла к этому климату, — ответила она.

Ее руки чуть задержались на моей куртке. Поддавшись непреодолимому порыву щемящей нежности, я медленно поднял руку, ласково провел раскрытой ладонью по ее прохладной щеке и заботливо поправил темную прядь волос. И Шуля ответила мне тем самым движением, которое за эти дни уже успело стать нашей маленькой, сокровенной традицией. Как и много раз до этого, она мягко перехватила мою ладонь своей рукой и невероятно нежно, прикрыв глаза, прижала ее к себе. В этом простом, повторяющемся жесте было столько любви, тепла и абсолютного доверия, что у меня перехватило дыхание. Я притянул ее к себе и поцеловал.

Этот поцелуй под желтеющими кронами деревьев был уже не таким внезапным, как ночью в лифте, а глубоким, долгим и осознанным...

В эти три дня мы говорили обо всем на свете, смеялись, пили кофе в маленьких кофейнях и снова гуляли, крепко держась за руки. Я ловил каждую ее улыбку, от которой появлялись те самые очаровательные морщинки в уголках ее губ. Я видел, как загорается ее лицо при каждой нашей встрече, как она неосознанно ищет мою руку, когда мы идем в толпе прохожих. Нам обоим было абсолютно ясно: то, что началось как случайная встреча в пустом ночном баре, стремительно перерастало в нечто огромное и важное.

С каждым часом, проведенным вместе, я всё яснее понимал, что потихоньку, но неотвратимо влюбляюсь в эту невероятную девушку по имени Шуля. То, что началось как случайный разговор под шум ночного дождя, стремительно меняло мою жизнь, и сопротивляться этому не было ни сил, ни малейшего желания...

Глава вторая. Двенадцать этажей над реальностью

Случайных совпадений не бывает. Мы сами привлекаем в свою жизнь тех людей и те события, которые нам необходимы.

Ричард Бах

Сентябрь 1996 года. Литва, г. Шяуляй.

Заканчивался третий день моего знакомства с Шулей. После ужина с ней в ресторане отеля я, как обычно, провожал ее. Мы всегда прощались в лифте на двенадцатом этаже. Однако в этот раз Шуля попросила проводить ее до дверей номера.

Пустой коридор двенадцатого этажа казался бесконечным. Мягкий ковролин гасил звуки шагов, создавая тишину и иллюзию вакуума, в котором существовали только мы вдвоем. Пока мы шли, внутри меня боролись два чувства: приятное оцепенение от недавних поцелуев с Шулей и нарастающее колющее волнение. Я никогда раньше не поднимался на этот этаж, поэтому буквально кожей ощущал его статусную тишину и предвкушение чего-то совершенно неизведанного.

Шуля остановилась у двери своего номера 1201, вставила ключ в замок, и звук поворота ключа в этой тишине для меня прозвучал словно выстрел. Я уже был готов, попрощавшись, развернуться и уйти, оставив этот вечер на пике легкой недосказанности, но рука Шули, теплая и неожиданно сильная, не дала мне это сделать. Держа меня за руку, она посмотрела мне в глаза и негромко сказала:

— Нет, Сашуля, сегодня я тебя никуда не отпущу.

С этими словами Шуля уверенно потянула меня за собой через порог. В этот миг я осознал, что оказался тем, кого она впустила в свой глубоко личный закрытый мир. Внутри всё сжалось от сладкого предчувствия неизвестности. Я шагнул за ней в темноту номера, понимая, что контроль над ситуацией окончательно перешел в ее руки, и это добровольное подчинение будоражило сильнее всего.

Дверь за моей спиной закрылась с глухим хлопком. В ту же секунду Шуля развернулась и прижалась ко мне всем телом, не давая времени опомниться. Ее руки скользнули ко мне на плечи.

— Теперь ты здесь у меня... — выдохнула она прямо мне в губы, и в этом шепоте было столько первобытной искренности, что у меня перехватило дыхание.

— А я-то думал, что по правилам нужно проводить даму до двери и вежливо попрощаться, — попытался пошутить я.

— К черту эти правила, — улыбнулась Шуля и сделала шаг вперед, еще больше сокращая дистанцию так, что я почувствовал тепло ее дыхания.

— Мы же оба понимаем, что три дня — это слишком долго для вежливых прощаний.

Внутри меня всё перевернулось. Те три дня прогулок по городу и осторожных разговоров с поцелуями показались лишь затянувшимся вступлением к этой минуте. Я чувствовал, как бешено колотится ее сердце под тонкой тканью одежды, так же быстро, как и мое. Весь пафос люксового роскошного этажа перестал существовать. Остался только метр пространства, запах ее волос, парфюма и осознание того, что назад пути нет, и ты этого пути не ищешь...

Шуля включила свет, и за ее спиной открылось пространство двухкомнатного люкса, которое буквально дышало статусом и нескрываемой роскошью. Это не был просто гостиничный номер. Это была ожившая декорация к фильму о жизни, в которой я никогда не был. Мои глаза невольно заскользили по деталям:

Большие панорамные окна превращали вечерний город в живое полотно. Множество городских огней с двенадцатого этажа казалось какой-то россыпью бриллиантов на черном бархате, и этот холодный блеск отражался в лакированных поверхностях шикарной и дорогой мебели. Под ногами был настолько густой и мягкий ковер цвета топленого молока, что мне показалось, если пройти по нему, то шаги будут совершенно беззвучными, создавая иллюзию невесомости.

В центре гостиной стоял массивный диван, обтянутый тяжелым изумрудным бархатом. Около дивана на низком кофейном столике из цельного куска мрамора с зернистой структурой под цвет дивана стояло запотевшее ведерко с шампанским и два хрустальных бокала, чьи грани ловили блики от настенных бра, а также пузатая бутылка армянского коньяка и бокалы для него.

«Как она узнала, что мне нравится именно армянский коньяк?» — подумал я. — «Ах, да... я же пил его в баре при нашем знакомстве».

В открытые раздвижные двери спальни была видна огромная кровать и ковер на полу такого же цвета, как в гостиной. В номере приятно пахло, но не гостиничной чистотой, а чем-то более сложным: какой-то смесью дорогой кожи, как мне показалось, и едва уловимого табака и тех самых лилий, огромный букет которых стоял в вазе у окна.

Всё здесь, от тяжелых портьер, блокирующих любой звук извне, до мягкого многоуровневого освещения, работало на одну цель: отсечь вас от остального мира.

И я вдруг, стоя в окружении этой роскоши, почувствовал, как эта обстановка окутывает, заставляя забыть о времени и реальности за пределами этих стен...

— Сашуля, — вывела меня из транса Шуля, освободившись из моих объятий и отступая на шаг назад.

— Ты проходи, чувствуй себя как дома... или даже лучше. Я в душ, мне нужно буквально минут десять.

Она грациозно развернулась и, не оборачиваясь, направилась к дверям ванной комнаты. Я остался стоять посреди этого огромного, залитого светом роскошного люкса. Щелчок закрывшейся двери ванной прозвучал непривычно в наступившей тишине. Спустя минуту до меня донесся приглушенный шум падающей воды, как ровный убаюкивающий гул.

Эмоции накрыли волной. Я наконец-то смог выдохнуть. Прошелся по мягкому ковру к большому окну. Город внизу выглядел игрушечным. Стоя у окна на двенадцатом этаже, я ощущал себя случайным гостем в совершенно ином измерении, в ее вселенной, сотканной из элегантности и богатства. Шум воды в ванной комнате рисовал в воображении картину, от которой у меня пересохло в горле. Это ожидание было мучительным и сладким одновременно. Взгляд опять зацепился за знакомый силуэт — выдержанный армянский коньяк, чья янтарная жидкость казалась густой, маслянистой и такой притягивающей.

Я подошел к столику и налил напиток в бокал. Тихий всплеск, когда коньяк коснулся дна, эхом отозвался в пустой гостиной. Сделав глоток, я почувствовал, как внутри разливается мягкое тепло дуба, ванили и вяленого чернослива.

Это немного согревало, но не успокаивало. Я вновь подошел к окну, прислонился лбом к прохладному стеклу и посмотрел на рассыпанные внизу огни города.

«Три дня», — пронеслось в голове. — *«Всего три дня назад мы были чужими людьми».*

Я вспоминал, как осторожно подбирал слова в первый вечер знакомства, тогда в баре... Как мы смеялись над какими-то глупостями, как потом на следующий день гуляли в парке, как она поправляла мне шарф... Наши поцелуи... Как я тихонечко влюблялся в эту женщину...

«А сейчас... Кто она на самом деле?» — думал я, вглядываясь в свое отражение в темном стекле. — *«Та искренняя девушка из бара или эта властная и очевидно очень богатая женщина. Я ведь не знаю о ней ничего».*

И вдруг неожиданно для себя я осознал, что за эти три дня она изучила меня гораздо лучше, чем я ее. И мне казалось, что сейчас я полностью в ее власти...

Шум воды в душевой внезапно стих. Эта тишина полоснула по нервам острее любого звука.

Я медленно повернулся к двери ванной, чувствуя, как коньячный жар разогрел во мне чувство предвкушения. Бокал с недопитым коньяком опустился на столик с глухим стуком, ставя точку в моих размышлениях, и на смену логике вдруг пришел первобытный инстинкт. Тишина, воцарившаяся после того, как смолкла вода, была слишком вызывающей, слишком тягучей и возбуждающей.

Я начал сбрасывать с себя одежду прямо в гостиную. Вещи падали на дорогой ворс ковра бесформенными пятнами. Я почувствовал кожей прохладу кондиционированного воздуха люкса, которая через минуту должна была смениться влажным жаром.

Матовая стеклянная дверь поддалась бесшумно. Большая ванная комната, в которой пахло дорогим мылом, была залита мягким светом и наполнена густым и ароматным паром, в котором растворялись очертания дорогой сантехники и белого камня.

Шуля стояла спиной к двери, окутанная этим белым маревом. Капельки воды бисером блестели на ее лопатках, стекая тонкими ручейками ниже, подчеркивая изгибы тела, которые до этого момента я мог только угадывать под одеждой.

Облако пара, быстро рассеивалось, и тело Шули проступило более отчетливо и во всей своей красоте. Длинные ноги с едва заметным, сухим рельефом мышц. Капли воды медленно скатывались по внешней стороне бедра, подчеркивая их безупречную линию, которая начиналась где-то выше горизонта. Тонкая почти девичья талия потрясаяще гармонировала с мягким и плавным изгибом бедер.

Я сделал шаг навстречу, и Шуля, услышав меня, обернулась и инстинктивно прижала к себе белоснежное полотенце, которое было у нее в руках, словно пыталась спрятать свое волнение. Я сделал еще шаг навстречу, глядя ей прямо в глаза. В моем взгляде не было никакой дерзости. Было только искреннее восхищение той красотой, которую она пыталась скрыть.

— Ты очень красива и в этом полотенце, — тихо произнес я, глядя ей в глаза, — но без него ты просто совершенство.

На мгновение время замерло. Шуля чуть заметно улыбнулась, и ее пальцы разомкнулись. Ткань тяжелым облаком скользнула вниз, упав к ее ногам. Я увидел ее высокую, упругую грудь. Влажная кожа на ней сияла в свете софитов, а капли воды задерживались в ложбинке, прежде чем сорваться вниз.

Шуля сделала едва заметное движение, и я еще раз оценил крутой изгиб ее бедер. Это были формы женщины, которая знает цену движению. Она стояла передо мной, не пытаясь прикрыться, наслаждаясь производимым эффектом. В ее позе не было стыда, а только осознание своей красоты. Влажные черные волосы темными змеями лежали на ее плечах.

— Ну что, Саша, — голос Шули в вибрирующем от влаги воздухе прозвучал как вызов. — Реальность совпала с твоими ожиданиями?

Ее взгляд задержался на моих плечах, проследил за линией грудных мышц и опустился ниже, отмечая каждую деталь моего тела, уже напряженного от близости и адреналина. На ее губах заиграла едва заметная, дерзкая улыбка. Шуля сделала шаг, так что тепло ее влажной кожи почти коснулось моего тела. Ее зрачки расширились, поглощая остатки света в ванной. Она медленно подняла руку, и не отрывая взгляда от моих глаз, кончиками пальцев провела по моему прессу, оставляя за собой дорожку из капель воды. Это прикосновение было острым, как ожог, и окончательно сорвало все мои предохранители.

Я резко сократил последние сантиметры, между нами, и это движение было подобно взрыву. Ладони легли на ее узкую, влажную талию, мгновенно ощутив упругость ее тела, а Шуля словно только этого и ждала, резко подавшись навстречу.

Первый поцелуй в этом тумане не был нежным. Он был голодным, глубоким и требовательным. Вкус армянского коньяка на моих губах смешался со свежестью воды и жаром ее дыхания. Шуля запустила пальцы в мои волосы, притягивая меня еще ближе, вжимаясь в меня всем телом так, что я кожей ощущал каждый изгиб ее тела. Не разрывая поцелуя, я увлек ее в саму душевую кабину. Стеклопанная дверь закрылась, отсекая остальной мир.

Я протянул руку и повернул рычаг смесителя. Сверху обрушился мощный поток теплой воды. Она с шумом разбивалась о наши плечи, смывая остатки приличий и недосказанности. Шуля вдруг повернулась и прижалась ко мне спиной, и я почувствовал ладонями невероятную упругость ее бедер. Кожа была скользкой от воды и пахла чем-то экзотическим.

Ее тело в моих руках казалось натянутой струной: каждый мускул на ее ногах и спине был напряжен до предела... Шуля слегка подалась назад, вжимаясь в меня, и я ощутил идеальный изгиб ее ягодиц, который теперь дразняще перекачивался под моими пальцами... Моя рука поднялась выше, ладонь легла на грудь, а вторая медленно и нежно перешла на внутреннюю сторону бедра между ног и не отпускала, фиксируя и удерживая ближе.

— Да... Да... Не останавливайся... — сорвалось с ее губ вместе с облаком пара.

Я развернул ее к себе... Всплески воды разбивались о наши тела, создавая хаотичный, первобытный шум. Мои руки заскользили по ее талии вверх, к высокой груди, которая вздымалась в такт рваному дыханию. В этом моменте не было деликатности, была только чистая накопившаяся концентрированная страсть. Я подхватил ее под бедра. И она легко, с атлетической грацией, обхватила меня своими сильными ногами, замыкая замок за моей спиной. Я не собирался отпускать... Я уже был в ней...

Резкий всплеск, ее горячий стон, утонувший в грохоте падающего потока, и невероятное ощущение полного слияния. Ее тело казалось воплощением самой стихии: неукротимой, гибкой и бесконечно желанной.

Потоки воды продолжали с грохотом разбиваться о наши плечи, но я уже его не слышал. Был только шум собственной крови в ушах и прерывистый шепот Шули... Мы двигались в унисон с ритмом падающих капель, теряя связь с реальностью... Она сильнее сжала мои бока своими бедрами, притягивая меня к себе так плотно, что казалось, между нами, больше нет воздуха... Ее пальцы впились в мои плечи, ногти слегка царапали влажную кожу, пока она двигалась в такт моим толчкам... Я чувствовал, как перекачиваются мышцы на ее спине, как напрягается ее плоский живот при каждом глубоком вздохе...

— Еще... Еще... — выдохнула Шуля мне в шею, и этот звук утонул в водяной пыли.

Всплески воды о кафель сливались с ритмичными звуками наших тел... Ее грудь вздымалась, дразняще касаясь меня, а капли воды срывались с напряженных сосков, исчезая в общем потоке... Шуля запрокинула голову назад, подставляя лицо под падающую воду, которая заливала ей рот, мешая дышать, но она лишь жадно глотала этот влажный воздух, не разрывая нашего контакта ни на секунду... Ее ягодицы, твердые и упругие, пульсировали под моими руками, отвечая на каждый мой выпад.

В этом тесном пространстве, пропитанном запахом дорогого мыла и разогретых тел, страсть достигла своего пика. Я видел, как ее зрачки расширились до предела, превращая глаза в две темные бездны. Она больше не была для меня той загадочной девушкой из бара. Она была стихией, которую я приручил, или может быть она приручила меня.

Финальный аккорд нашей близости отозвался во всем ее теле резким, сладким напряжением. Шуля вскрикнула, и этот звук, не приглушенный водой, эхом отразился от стен. Она обмякла в моих руках, тяжело дыша, но всё еще не отпуская, словно боясь, что этот момент каким-то образом исчезнет.

Мы стояли, прижавшись друг к другу, соприкоснувшись губами, пока вода медленно смывала усталость и остатки зашкаливавшего адреналина. Я выключил воду и открыл стеклянную дверь. И в наступившей тишине остался только звук нашего тяжелого и синхронного дыхания. Облако оставшегося пара лениво поплыло в прохладную глубину номера...

Шуля вышла первой. Она не спешила одеваться, просто взяла с мраморной стойки огромное белоснежное полотенце и одним ловким движением обернула его вокруг своего тела, закрепив над грудью. На фоне ослепительной белизны махровой ткани ее кожа, распаренная и размягчившаяся, казалась золотистой. Я последовал ее примеру, накинув на себя пушистый махровый халат и ощущая приятную тяжесть в мышцах и ту особенную пустоту в голове, которая наступает после шторма.

Мы вернулись в гостиную. Шуля подошла к столику, ее шаги по мягкому ковру были едва слышны. Она взяла тот самый бокал с коньяком, который я оставил, и сделала глоток. Ее красивые ноги отчетливо выделялись в полумраке, когда она грациозно опустилась на край изумрудного дивана, поджав ногу под себя.

— Теперь он на вкус совсем другой, — негромко сказала она, протягивая бокал мне. — Терпкий, как эти три дня ожидания.

Я сел рядом, чувствуя, как диван поглощает мое тело, взял бокал из ее рук, коснувшись пальцев. Они были еще влажными. Шуля прислонилась головой к моему плечу. Ее мокрые волосы оставили темное пятно на моем халате, но это было сейчас не важно.

— Сашуля, знаешь, о чем я думаю? — прошептала она. — О том, что завтра начнется четвертый день... И он будет совсем не похож на первые три. — И, помолчав немного, продолжила:

— И что будет дальше?

Я ничего не ответил, только приобнял ее, нежно прижав к себе. В ее голосе больше не было никакой властности. Была только мягкая, глубокая нежность женщины, которая позволила себе быть собой. Вся хищная уверенность Шули, с которой она затащила меня в номер, куда-то испарилась. В тусклом свете ночного города она казалась удивительно нежной и беззащитной. Она чуть крепче прижалась к моему плечу, и я почувствовал, как ее дыхание, всё еще немного сбивчивое, согревает мою кожу сквозь ворс халата...

— Ты молчишь, — тихо произнесла Шуля, едва касаясь губами моего плеча. — О чем ты думаешь сейчас?

Я сделал глоток коньяка, чувствуя, как тепло напитка встречается с теплом ее тела.

— О том, как странно всё сложилось... Мы ведь могли просто пройти мимо друг друга, а сейчас мне хочется, чтобы это всё никогда не заканчивалось.

Шуля грустно и в тоже время нежно усмехнулась:

— Знаешь, Сашуля, я ведь так устала быть сильной. Сплошные правила, карьера, вечная дистанция... Я так рада, что ты пришел и просто взял и изменил всё это за эти три дня.

В тот день мои чувства к Шуле стали еще сильнее. Я увидел ее настоящую, страстную, искреннюю и, как ни странно, очень одинокую в своем совершенстве. Я почувствовал не просто физическую связь с ней, а глубокую связь родственных душ. Тогда я окончательно в нее влюбился.

— Не хочу, чтобы наступило завтра, — прошептала Шуля, закрывая глаза. — Завтра нам придется опять надевать одежду и выходить в мир.

— Завтра будет завтра, — ответил я, притягивая ее ближе.

— А сейчас у нас есть этот коньяк и этот город, который далеко под нами.

Мы допили коньяк, поставили пустой бокал на столик и, не сговариваясь, перебрались на огромную кровать, сбросив с себя всю одежду. Белоснежные простыни встретили нас своей прохладой, но она мгновенно исчезла, как только мы оказались под одеялом. Шуля сверну-

лась калачиком, прижавшись спиной к моей груди. Ее тело, еще недавно такое напряженное и властное в лучах душевой, теперь обмякло, доверившись моим рукам. Я обнял ее, чувствуя, как мерно вздымается ее грудь и как тепло ее кожи согревает меня.

— Сашуль, не уходи пожалуйста утром, — сонно прошептала Шуля, и это была последняя фраза, прежде чем сон окончательно затянул ее.

Я лежал в темноте, глядя на ровные блики уличных фонарей, отраженных на потолке. В голове крутилась мысль: за эти пару часов в номере на двенадцатом этаже произошло больше, чем за все предыдущие месяцы моей жизни. Я чувствовал странное спокойствие. То самое, которое бывает после того, как буря стихает, оставляя после себя обновленный мир. И думал, что у нас с Шулей всё будет хорошо и что мы будем вместе всегда. Если бы я знал тогда, как ошибался.

Постепенно усталость взяла свое. Мои веки отяжелели, и последним, что я запомнил перед провалом в сон, был запах ее волос, парфюма и чего-то неуловимо личного, что теперь принадлежало нам обоим. Город за окнами продолжал жить своей жизнью, пульсируя огнями, но здесь, за плотными шторами люкса, время остановилось, запечатав этот момент в вечности...

Утро следующего дня. Солнце еще не успело подняться высоко, но его первые лучи уже настойчиво пробивались сквозь щель между тяжелыми порттьерами, разрезая полумрак номера золотистой полосой. Я проснулся от непривычного ощущения глубокого и безмятежного покоя. Рядом, едва касаясь моего плеча, ровно и глубоко дышала Шуля. В утреннем свете она казалась более хрупкой и родной, чем вчера в тумане душевой кабины. Ее прекрасное тело, едва прикрытое краешком одеяла, напоминало о вчерашнем шторме. Рассматривая ее спящую, я поймал себя на мысли, что запоминаю каждую деталь: капризный завиток волос у виска, тень от длинных ресниц, мягкий изгиб плеча.

Я с улыбкой стал наблюдать, как на обнаженном плече Шули играет блик света. Медленно и нежно я дотронулся до этого лучика, словно пытаюсь поймать его, и это мое легкое движение заставило дрогнуть ее ресницы. Шуля медленно открыла глаза, затуманенные остатками сна. Увидев меня, она не отвернулась, не потянулась за одеялом. Напротив, на ее губах расцвела ленивая, сонная улыбка, в которой читалось полное доверие.

— Доброе утро, Сашуля. Ты не ушел, — прошептала она, и ее голос, охрипший после ночи, прозвучал невероятно интимно. Она потянулась всем телом, как кошка, и я снова невольно оценил всю красоту ее тела. Это движение было естественным и вызывающим одновременно. Шуля перекатилась на бок, оказываясь в опасной близости, и положила ладонь мне на грудь. Ее кожа была прохладной снаружи, но я чувствовал исходящий от нее внутренний жар.

— Привет, соня, — ответил я. — Будем вставать?

— Подожди немного, утро такое... такое многообещающее, — сказала она, и ее пальцы пальцы начали медленно спускаться ниже по моему торсу...

Вчерашняя страсть между нами, казавшаяся исчерпанной, вспыхнула с новой силой, но теперь она была другой, более тягучей, осознанной и нежной. Я притянул Шулю к себе, и она охотно отозвалась, вжимаясь в меня всем телом. Поцелуй был долгим, со вкусом утра и неспешности.

Второй раунд нашей близости начался без слов. Здесь, в утренней спальне, на смятых белоснежных простынях, каждое прикосновение ощущалось острее. Я изучал ее заново, сантиметр за сантиметром, наслаждаясь тем, как ее тело отзывается на каждое моё движение. Это было не бегство от реальности, а полное ее принятие... Через минуту воздух в спальне стал

густым от жара наших тел... Шуля подалась вперед, ее дыхание обожгло мое ухо, когда она перешла на низкий, ломающийся шепот:

— Еще... Еще... не останавливайся, я хочу тебя всего...

Она полностью отдалась моим рукам, выгибаясь навстречу, когда мои ладони скользили по ее бедрам, притягивая ее максимально близко... Шуля перехватила инициативу, опустилась на меня сверху, чувствуя мою твердость, а ее движения стали всё более требовательными.

Ее губы были приоткрыты в безмолвном стоне... Ритм становился рваным, неистовым. Мы оба были на пределе, где нежность окончательно уступает место первобытной страсти...

Наконец напряжение достигло предела, и сокрушительный пик накрыл нас одновременно. Резкий и обжигающий толчок, который заставляет время замереть.

Шуля вскрикнула, запрокидывая голову, и я почувствовал, как ее внутренние мышцы ритмично сжались, доводя меня до неизбежной мощной разрядки...

Всё вокруг перестало существовать, осталось только это острое, пульсирующее единство. Шуля бессильно уронила голову на мою грудь. Ее кожа была влажная, а сердце колотилось так сильно, будто хотело пробить ребра...

— Ты меня просто уничтожил, — прошептала она устало, оставляя ленивый поцелуй на моих губах...

Когда мы наконец замерли, тяжело дыша, и лежали, переплетаясь ногами, глядя на то, как пылинки танцуют в лучах света, Шуля, приподнявшись на локте и глядя мне прямо в глаза глубоким и невероятно нежным взглядом, тихо сказала:

— Сашуль, я никогда не завтракала в постели. Но сегодня... сегодня я хочу позавтракать здесь и с тобой, только не уходи, пожалуйста.

Я чуть с ума не сошел от такой нежности, прижал Шулю к себе и прошептал:

— Я не уйду, я буду с тобой...

Мы не спешили вставать, не спешили возвращаться в мир за пределами этого номера. Мы просто были здесь и сейчас, в этом утре нашей общей истории...

Утренний солнечный свет теперь уже настойчиво заливал номер, и мы всё же заставили себя выбраться из плена простыней, ведомые ароматом свежесваренного кофе, который услужливый персонал оставил у двери. Шуля, накинув мужской махровый халат, который был ей явно велик, выглядела в нем трогательно и по-домашнему.

Я тоже оделся и вкатил в центр гостиной сервировочную тележку, накрытую белоснежным накрахмаленным полотном. На серебряных подносах красовалось то, что Шуля в шутку назвала «завтраком победителей»: два дымящихся «американо» в тонком костяном фарфоре, аромат которых мгновенно вытеснил из комнаты запах вчерашнего коньяка. Пышный омлет с трюфельным маслом и спаржей. Тончайшие ломтики слабосоленого лосося и корзинка с еще теплыми круассанами, которые рассыпались сотнями чешуек при первом прикосновении. На отдельном подносе маленькая вазочка с одной кустовой розой и ледяной сок из сицилийских апельсинов в высоких хрустальных бокалах.

Мы устроились в глубоких креслах у большого панорамного окна. Вид на просыпающийся город с двенадцатого этажа казался мне декорацией к самому счастливому фильму. Была та редкая, наполненная тишина, когда слова излишни. Я смотрел, как Шуля, грациозно закинув ногу на ногу, намазывает джем на круассан, и поймал себя на мысли, что готов смотреть на это вечно.

— О чем думаешь, Сашуля? — спросила она, перехватив мой взгляд. Ее глаза сияли потрясающим глубоким светом, который появляется только после ночи, изменившей все.

— О том, что сегодня наш первый настоящий день, — ответил я, накрывая ее ладонь своей.

Шуля встала, подошла, присела мне на колени, положила руки на плечи, заглянула в глаза с какой-то обезоруживающей искренностью, поцеловала меня в шею и прошептала:

— Пообещай мне, что никогда не сотрешь из своей памяти... то, что происходит сейчас с нами... что бы ни случилось... Я тоже обещаю... *Я всегда буду тебя помнить...*

Я притянул ее к себе, чувствуя тепло ее тела сквозь ткань халата. Я вдруг понял, что за эти три дня и одну ночь я нашел не просто красивую женщину с прекрасным телом и безупречными манерами. Я нашел человека, с которым тишина на вершине мира кажется естественнее любого шума внизу.

— Я обещаю... обещаю тебе... *Я тебя никогда не забуду...* — тихо ответил я, смотря ей прямо в глаза, и это было самое легкое решение в моей жизни...

Потом мы стояли у огромного окна, близко к друг другу, глядя, как просыпается город. Там, внизу, уже начиналась суета, пробки и бесконечные дела. Но здесь в коконе из белоснежных халатов, аромата кофе и недавней близости, время всё еще принадлежало нам двоим.

Шуля потянулась, коснувшись губами моей щеки, и я почувствовал, как ее пальцы переплелись с моими так же крепко, как тогда, у дверей номера...

Раздался телефонный звонок. Шуля подошла и подняла трубку..., и я тогда первый раз услышал, как бегло она разговаривает на итальянском языке.

— Сашуль, мне надо отлучиться до вечера по работе, — сказала она, подойдя к зеркалу в прихожей, и стала поправлять волосы, возвращая себе тот безупречный вид, с которым она вошла вчера в этот номер.

Я стоял рядом, чувствуя, как реальность неумолимо заявляет свои права: пора было возвращаться в свой номер, этажами ниже, в привычную тесноту, где не было панорамных окон и запаха лилий.

— Ну я тогда пойду к себе, — негромко сказал я, коснувшись плеча Шули.

Шуля, услышав меня, замерла, глядя на мое отражение в зеркале. В ее глазах промелькнула искра, которую я уже научился узнавать: смесь вызова и нежности. Она медленно открыла сумочку, достала ключ от номера и, обернувшись, протянула его мне.

— Зачем тебе возвращаться в свой номер, здесь же столько свободного места, — улыбнувшись, сказала Шуля,

— Спустись, заberi свои вещи и переезжай ко мне... Я хочу теперь каждое утро просыпаться с тобой и завтракать в постели.

Я взял ключ от номера. Он был теплый от ее ладони.

— Ты уверена? — спросил я, чувствуя, как внутри всё перевернулось от этого внезапного предложения.

— Сашуль, конечно, я уверена, — она повернулась и коротко, почти по-деловому поцеловала меня в уголок губ. — Хочу, чтобы ты вечером ждал меня здесь. Не хочу скучать в одиночестве на этой огромной кровати.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда выйдем вместе. Я тебя провожу.

— Я быстро в душ и собираться, — сказала Шуля и скрылась в ванной комнате...

Через минут пятнадцать она уже стояла в коридоре, поправляя ремешок сумочки. Шуля выглядела безупречно, как и всегда, но в ее глазах затаилась та маленькая искорка, которую теперь знал только я. Замок двери номера защелкнулся. Мы прошли по длинному коридору и вошли в лифт, и когда зеркальные двери сомкнулись, я увидел в отражении не просто мужчину и женщину, а людей, которые нашли свой дом друг в друге. Внизу был шумный город, но внутри нас теперь всегда жила та звенящая тишина люксового номера, где всё только началось.

Когда мы вышли из отеля, недалеко от входа я заметил небольшой цветочный киоск, который раньше почему-то не замечал. Не сговариваясь, мы остановились. Я купил одну единственную белую розу, еще покрытую утренней росой, так похожую на те капли воды, что сверкали на коже Шули в душевой. Шуля приняла цветок и сказала:

— Прости, Сашуля, но не так, — сказала она, вернула цветок продавцу и попросила красную астру. Прижала ее к лицу и на мгновение закрыла глаза.

— Это мои любимые, — сказала Шуля, прочитав немой вопрос у меня в глазах.

— Буду знать теперь, — с этими словами я прижал ее к себе, коснулся губами ее щеки и промолвил, не отпуская:

— Возвращайся скорее, я буду ждать...

Наступил вечер... Шуля вернулась... Мы поужинали, заказав еду в номер. Этот вечер поначалу не был похож на предыдущий. В нем не было бури, только тихая, глубокая радость от того, что мы теперь это одно целое в этом огромном, холодном мире за окном. Я чувствовал, как тает последняя дистанция между нами. Шуля была удивительно ласковой. Я увидел в ней женщину, которая просто наслаждается присутствием близкого человека.

Еще до ее прихода, ожидая в номере, я коротал время за чтением. У меня была одна давняя привычка: в любые поездки и командировки я неизменно возил с собой небольшой, изрядно затертый томик стихов Джозефа Редьярда Киплинга в переводе Константина Симонова. Поэзия этого сурового английского романтика всегда действовала на меня магически. Она необъяснимым образом успокаивала, умиротворяла и приводила в порядок мысли. Когда Шуля вошла, я просто отложил книгу, оставив ее лежать на небольшом журнальном столике у дивана...

Мы сидели рядом, расслабленные после ужина, когда ее взгляд вдруг скользнул по столику и остановился на обложке.

— Сашуль, а что это за книга? — спросила она, слегка подавшись вперед.

Шуля взяла мой затертый томик в руки и посмотрела на автора. В ее глазах промелькнуло самое искреннее, неподдельное удивление.

— Киплинг? — она резко подняла на меня глаза, ее лицо озарилось теплой и почти восторженной улыбкой.

— Ты читаешь Киплинга?

— Да, — немного смущенно, но с гордостью ответил я.

— Постоянно вожу его с собой. Его стихи меня удивительно успокаивают. Особенно в переводе Симонова, они очень сильные...

Шуля бережно, с каким-то особым трепетом провела тонкими пальцами по обложке, словно встретила старого друга.

— Невероятно... — тихо произнесла она, глядя на меня с нарастающим восхищением.

— Я тоже его просто обожаю. Но я всегда читала его только в оригинале на английском языке. Его истинный ритм, его слог — это подлинная магия.

Я смотрел на нее и улыбался. Впрочем, чему я удивлялся? Моя Шуля, как выяснилось, была настоящим полиглотом, человеком, которому иностранные языки давались с какой-то невероятной, пугающей легкостью. Она могла свободно, без малейшего акцента и напряжения общаться на английском, русском, грузинском, итальянском и латышском. Благодаря своей профессии и постоянному общению с зарубежными коллегами она вполне уверенно понимала норвежский, финский и литовский. Ее мозг был блестящим, острым инструментом. Но то, что среди всего мирового литературного наследия мы оба находили отдушину и утешение в строках именно этого поэта, показалось мне настоящим чудом.

Это было еще одно, уже какое по счету, поразительное совпадение между нами. Еще одна невидимая, но прочная нить, связывающая наши души...

Шуля аккуратно положила книгу обратно на столик. После этого маленького открытия ее красивые ноги уютно устроились на моих коленях, а голова покоилась на плече. Она прикрыла глаза, полностью расслабившись в моих объятиях.

— Сашуля, — вдруг очень мягко, почти шепотом попросила она.

— Почитай мне... Пожалуйста... Почитай своего Киплинга. Я так хочу послушать, как он звучит на русском, как он звучит для тебя.

Я осторожно, стараясь не потревожить ее, дотянулся до столика и снова взял в руки томик. Мы не зажигали ламп. Большие окна впускали в комнату синеву сумерек, и этого приглушенного света от ночного неба и городских огней вполне хватало, чтобы различать знакомые строки. Я открыл книгу наугад и начал читать.

Я не выбирал стихи специально, просто позволил словам литься самим по себе. Мой голос, поначалу тихий и немного неуверенный, постепенно обрел глубину, подхватывая тот самый суровый, чеканный мужской ритм, который так гениально передал Симонов...

Шуля слушала меня, затаив дыхание. Она не шевелилась, словно боялась спугнуть это хрупкое волшебство, растворенное в сумерках. Я физически ощущал, как она впитывает в себя каждую фразу, каждый звук моего голоса. Ее тело, уютно устроившееся на мне, расслаблялось всё больше, а дыхание полностью синхронизировалось с мерным ритмом звучащих стихов. Иногда, на самых пронзительных строках, она едва заметно вздыхала и еще крепче, еще доверчивее прижималась щекой к моей груди. В эти минуты не было ни языковых барьеров, ни разницы переводов. Была только абсолютная, звенящая гармония двух душ... наших душ...

Когда я закончил читать, мы еще какое-то время молчали. Я отложил книгу, медленно перебирал ее волосы, вдыхая их тонкий запах, и ловил себя на мысли, что такая домашняя Шуля нравится мне еще больше...

Синева сумерек мягко ложилась на бархат дивана и изгибы наших тел. Огни города внизу казались далеким, беззвучным океаном... Тихая музыка едва уловимым фоном вибрировала в воздухе, смешиваясь с нашим неспешным дыханием... Шуля переплела свои пальцы с моими, исследуя каждую линию на моей ладони. Ее прикосновения были невесомыми, почти детскими в своей чистоте. И в этом чувствовалось ее бесконечное желание чувствовать меня рядом...

— Сашуль, я принесла с собой хорошее итальянское вино, — прошептала она. — Но, честно говоря, мне сейчас не хочется даже открывать глаза. Просто держи меня...

Я прижал Шулю крепче, ощущая всем телом ее хрупкость, которая удивительно сочеталась с ее спортивным телом. Весь мир сейчас с его проблемами и шумом остался где-то там, за пределами номера на двенадцатом этаже. Здесь была только тишина, аромат дорогого парфюма и осознание того, что мы нашли друг друга в этом мире.

В какой-то момент Шуля вдруг открыла глаза, шевельнулась, и ее кашемировый джемпер мягко соскользнул с одного плеча, открывая безупречную линию тела. В полумраке номера ее глаза казались огромными, в них отражались огни города, но теперь в этом ее взгляде не было вызова, а только бездонная обволакивающая нежность.

Она потянулась ко мне... Ее ладони, теплые и мягкие, легли на мои плечи, притягивая к себе. Поцелуй был долгий, со вкусом покоя и того самого обещания, которое мы дали друг другу утром. Мы переместились в спальню на огромную кровать, которая в лунном свете казалась островом безопасности посреди океана мегаполиса. Шуля потянула за край джемпера, и он скользнул на пол, а я сбросил с себя халат, и мы остались полностью обнаженными.

Здесь, среди прохладных простыней, ее тело ощущалось по-новому. Я опять почувствовал пальцами изгиб талии, упругость длинных ног, которые сплетались с моими в поисках максимальной близости. Эта сцена была лишена вчерашней лихорадки и шума воды... Она была тихой, почти ритуальной. Шуля отзывалась на каждое мое прикосновение с удивительной и бесконечной доверчивостью... Ее волосы путались в моих волосах, а тихие вздохи тонули в мягком ворсе подушек...

Шуля перекинула ногу через мои бедра, усаживаясь сверху. Ее ноги крепко сжали мои бока, а пальцы с аккуратным маникюром впились в мои плечи. Она наклонилась, и ее распущенные волосы стали щекотать мою грудь, еще больше возбуждая...

— Только ты... — выдохнула она, и этот шепот в тишине комнат прозвучал весомее любого признания, а ее поцелуй стал глубоким, властным, лишаящий воли...

Я ладонями скользнул по ее талии вниз, нащупывая крутой изгиб ее ягодиц. Кожа была невероятно гладкой и плотной, отзываясь на каждое мое касание. Шуля выгнулась дугой, когда мои губы коснулись возбужденных сосков ее груди...

Ее стон, низкий и гортанный, разрезал тишину комнат... Я чувствовал, как напрягались мышцы на ее спине и бедрах при каждом толчке. Как ее тело становится единым механизмом, настроенным на одну волну с моим...

— Да... так Сашуля... еще... — шептала она, постанывая, запрокинув голову.

Ритм ускорялся, превращаясь в безумную гонку. Вспышки огней города слились в одну сияющую полосу, когда финал накрыл нас обоих ослепительной волной... Шуля вскрикнула, вжимаясь в меня всем телом, и я почувствовал, как ее сердце бьется в груди, словно пойманная птица в клетке...

Мы долго лежали в тишине, не размыкая объятий. Капли пота остывали на коже, а мягкое одеяло казалось единственной защитой от внешнего мира. Шуля медленно сползла ко мне под бок, ее голова тяжело опустилась на мою грудь...

— Теперь... теперь ты точно мой, только мой, — прошептала она, засыпая...

Солнечный свет заливал спальню, когда я открыл глаза. Шули рядом не было. Ее место рядом со мной уже остыло, но подушка всё еще хранила тонкий аромат ее кожи. Из гостиной доносились запах свежесваренного кофе и тихие, уютные звуки: звяканье фарфора и приглушенный напев какой-то джазовой мелодии.

Когда я вышел из спальни, натягивая халат, меня встретила картина, которая окончательно разрушила образ «холодной и неприступной леди из люкса». Оказалось, что Шуля, проснувшись гораздо раньше, успела спуститься вниз и каким-то чудом договориться с кухней ресторана, чтобы ей позволили самой приготовить завтрак для нас.

Она стояла у стола, босая, в моей рубашке, накинутой на голое тело. Рукава были небрежно засучены, открывая ее красивые руки, а идеальное тело просвечивалось на свету через ткань. Завидев меня, она улыбнулась какой-то настоящей домашней и теплой улыбкой.

— Доброе утро, Сашуль. Я решила, что ресторанная подача сегодня это слишком официально, — она указала на стол.

Я подошел ближе. И замер... В центре стола стояли две глубокие тарелки с дымящейся овсянкой. По виду она была именно такой, как я ее любил: густой, сваренной на молоке, с тягучим янтарным медом и рассыпанными сверху ярко-красными ягодами. Маленький кусочек сливочного масла медленно таял в центре, растекаясь золотистыми ручейками. Рядом на блюде золотились пухлые, идеально круглые сырники с румяной корочкой, от которых шел нежный аромат ванили.

— Овсянка? — спросил я, подойдя еще ближе. — С медом, брусникой и маслом?

Я посмотрел на Шулю. Она стояла, облокотившись на край стола, и в ее глазах плясали озорные искорки.

— Не просто овсянка, — мягко поправила она.

— Это мой идеальный завтрак. Я с детства не признаю ничего другого. И только с медом и ягодами, чтобы они давали правильную кислинку. Правда, я всегда делаю с клюквой, но в ресторане ее не оказалось.

— Ты сама это приготовила? — Я подошел сзади, обнимая ее за талию.

— Да, Сашуль... Правда, шеф-повар сначала сопротивлялся, но перед моей настойчивостью сложно устоять, — она обернулась в моих руках, заглядывая в глаза.

— Хотела, чтобы это утро было настоящим.

Я не верил своим ушам.

— Шуля, это тоже мой любимый завтрак. Каждое утро, сколько я себя помню, я мечтал о такой тарелке с кашей. А сырники... — я указал на золотистые, пышные кругляши, от которых пахло домашним уютом. — Это же просто классика моего идеального утра. И знаешь, что... овсянку я тоже всегда делаю с клюквой.

Шуля замерла, удивленно посмотрела на меня расширенными глазами, и ее улыбка стала еще теплее, еще искреннее.

— Да ладно, ты шутишь? — она сделала шаг ко мне, заглядывая в лицо. — Я думала, что одна такая... такая сумасшедшая фанатка овсянки с клюквой и сырников.

«Это было невероятно», — думал я. — «Мы могли бы легко совпасть во вкусах на дорогое вино или машины. Но совпасть в таких трогательных детских мелочах как сырники и рецепт утренней каши — это была уже настоящая мистика».

В этот момент я вдруг почувствовал, как невидимая нить между нами натянулась еще сильнее. И мы не просто пара в люксе. Мы два отражения одного и того же мира, которые наконец-то встретились...

Эта овсянка, эти простые сырники. Я смотрел на них и понимал, что они дороже любого деликатеса. В ее жесте было столько заботы, столько желания угодить, что у меня комом в горле застряла нежность. Шуля, привыкшая к лучшему сервису, стояла на кухне ресторана отеля, чтобы просто накормить меня завтраком. Мое восприятие в этот момент переросло из водоворота страсти в нечто совершенно иное. В осознание того, что я хочу просыпаться рядом с ней каждое утро...

Мы завтракали, сидя на пушистом ковре у большого окна прямо на солнце. Шуля кормила меня с ложечки, смеясь, когда капелька меда падала на мой халат, и в этой идиллии не было места прошлому или будущему. Существовал только вкус ягод, сырников, тепло солнца и тихий шепот двенадцатого этажа...

Я смотрел на Шулю... На ее растрепанные после сна волосы, на капельку меда, блеснувшую на губе, на ее красивые ноги, расслабленно вытянутые на ковре. И в этот момент весь лоск отеля, панорамные виды и статус этого люкса отошли на второй план. Осталось только невероятное чувство родного и любимого человека рядом, которого не хочется отпускать и с которым хочется быть всегда рядом...

В голове, словно кадры старой киноплёнки, бесконечно прокручивались события последних невероятных дней.

Прислушиваясь к шуму просыпающегося города за окном, я всё никак не мог избавиться от того странного, почти мистического чувства «дежавю», которое пронзило меня еще в ту самую первую ночь в баре, когда наши взгляды встретились впервые.

Говорят, что родственные души — это всего лишь красивая метафора, придуманная романтиками. Выдумка для тех, кто ищет утешения в одиночестве. Но как тогда объяснить то, что происходило между нами, как найти разумное объяснение этой мгновенной абсолютной гармонии. Разве возможно за пару дней узнать человека настолько, чтобы понимать его без

слов, считывать его мысли по одному только движению руки, мимолетной улыбке или легкому вздоху?

Наши совпадения ломали все законы простой теории вероятности. Мы словно были двумя фрагментами одного сложного пазла: одинаковые любимые книги Головачева, любовь к поэзии Киплинга, одни и те же цвета в одежде, смежные профессии, где она создавала красоту, а я воплощал ее в жизнь и даже такие мелочи, как привычки на завтрак. Всё это не могло быть просто счастливой цепью случайностей. Это было похоже на безупречно выверенный математический расчет самой Вселенной.

Мне всё отчетливее казалось, что мы с Шулей не знакомились здесь, в осеннем Шяуляе. Мы просто вспомнили друг друга. Как будто где-то там, за гранью памяти, в другой, давно прожитой жизни, мы уже были вместе. В той, прошлой жизни, я так же знал наизусть изгиб ее губ, когда она смеялась, и сухое тепло ее пальцев. Мы уже так же крепко держались за руки, так же бродили по старым мощеным улицам, говорили о вечном и так же замирали, глядя друг другу в глаза в полумраке храма...

А потом, по какой-то неведомой космической ошибке, или, возможно, по суровому замыслу судьбы, нас разлучили. Разорвали эту невидимую связь и разбросали по разным уголкам огромного мира на тысячи километров друг от друга. Нас бросили в эту новую жизнь порознь, чтобы проверить временем, расстоянием и исканиями. Разбросали для того, чтобы спустя годы разорванные нити снова стянулись, с неодолимой силой магнита столкнув нас в одной точке пространства под стук осеннего дождя...

Я прикрыл глаза, вдыхая тонкий аромат ее духов, тот самый, что свел меня с ума еще тогда в первый день в тесной кабине лифта. В груди разливалось странное, щемящее тепло. Это не было просто внезапной вспышкой страсти или мимолетной влюбленностью. Это было долгожданным возвращением домой после долгого, изнурительного скитания. Я словно нашел ту самую потерянную часть себя, свою истинную половину, чья душа была выкроена так же, как и моя... И теперь, обретя ее вновь, я испытал внезапную тревогу. Леденящую боязнь того, насколько хрупким может оказаться такое безмерное счастье. Но в то утро, слушая шум города внизу, я гнал от себя эти плохие мысли. Я знал только одно: мы наконец-то нашлись, и эта встреча...

— Кажется, мы нашли наш идеальный рецепт утра, — улыбнувшись, прервала мои мысли Шуля.

Она прислонилась головой к моему плечу, и мы замерли, глядя, как солнце медленно заливает комнату золотом. Весь мир внизу мог подождать. В это утро время принадлежало только нам и ощущению полного покоя...

Глава третья. Разговор двух тел

Секрет танго кроется в этой паузе между шагами. Это не просто танец — это разговор двух сердец, которым не нужны слова.

Карлос Гавито

Сентябрь 1996 года. Литва, г. Шяуляй.

Вечером того же дня, ужиная с Шулей в ресторане отеля, сквозь приглушенный гул голосов и звон посуды я вдруг уловил необычный ритм. Это была музыка. Какая-то тягучая, надрывная, пульсирующая страстью. Звуки бандонеона (гармошка для танго) и скрипки сплетались в удивительную мелодию, которая словно вторила биению сердца.

Шуля вдруг замерла. Ее спина мгновенно выпрямилась, а подбородок слегка вздернулся. Я физически ощутил, как напряглась ее рука, лежащая на столе.

Закончив ужин, мы пошли на звук и вскоре оказались у приоткрытых двустворчатых дверей просторного зала с огромными зеркалами и натертым до блеска паркетом. Мы замерли на пороге. Внутри под руководством немолодого, но удивительно подтянутого инструктора несколько пар плавно скользили по паркету. Они танцевали аргентинское танго.

Я смотрел на них, но краем глаза видел Шулю. С ней происходила удивительная метаморфоза. Ее взгляд стал цепким, оценивающим, а тело чуть заметно, на одних лишь инстинктах, покачивалось в такт этому сложному, ломаному ритму.

— Ты танцуешь? — тихо спросил я, пораженный этой переменой.

Шуля, не отрывая взгляда от паркета, чуть заметно улыбнулась уголками губ.

— Танцую, Сашуля, — так же тихо ответила она. — В институте я буквально жила балльными танцами. Аргентинское танго всегда было моей слабостью. Мы с моим партнером... — здесь Шуля слегка запнулась, — мы с ним даже выиграли один довольно крупный конкурс... Давно это было, но такое не забывается. Танго остается в крови навсегда.

Она повернула ко мне голову. В ее глазах сейчас плясали те самые дерзкие огоньки, которые я уже успел так хорошо изучить.

— Тебе нравится аргентинское танго? — спросила она.

— Очень нравится, — искренне ответил я. В этом танце была какая-то первобытная честность, скрытая за строгими правилами и идеальной осанкой.

— Хочешь научиться? — Шуля лукаво прищурилась, сделав полшага ко мне.

Я усмехнулся, глядя на свои ноги, которые привыкли к твердой земле, а не к скользкому паркету танцклассов.

— Я бы с радостью, Шуля, но давай смотреть правде в глаза. Где я, а где это аргентинское танго?

Шуля положила ладонь мне на грудь, прямо туда, где тяжело ухало сердце. Ее взгляд стал серьезным и пронзительным.

— У тебя получится. Я знаю... У тебя не может не получиться... — произнесла она с такой непоколебимой уверенностью, что спорить было просто невозможно.

И она не бросала слов на ветер. Буквально на следующее утро Шуля спустилась к администрации отеля и просто арендовала этот танцевальный зал на целую неделю. Следующие семь дней стали для меня настоящим испытанием на прочность и невероятным откровением. Каждый вечер, ровно на четыре часа, этот огромный зеркальный зал принадлежал только нам двоим. Мы закрывали тяжелые двери, отсекая весь остальной мир, включали магнитофон, и начиналась магия.

Шуля оказалась строгим, но безумно притягательным учителем. Для этих вечеров она купила специальные туфли на высоком тонком каблуке и надевала облегающее черное платье с разрезом, не стесняющим движений. На паркете она превращалась в сгусток чистой энергии и грации.

— Танго, Сашуля, это не просто шаги под музыку, — говорила она в первый вечер, подходя ко мне вплотную. — Это разговор двух тел... Мужчина в танго — это надежность и абсолютная сила. Веди меня так уверенно, чтобы я могла закрыть глаза и просто раствориться в твоих руках.

Первые дни давались тяжело. Я чувствовал себя неуклюжим медведем. Боялся наступить ей на ногу, слишком сильно сжимал ее руку, сбивался с ритма, путаясь в собственных ногах. Мои плечи каменели от напряжения. Но Шуля была бесконечно терпелива. Когда я в очередной раз сбивался, она не злилась. Она просто останавливала музыку, подходила ко мне, клала свои теплые ладони мне на шею и заставляла смотреть ей прямо в глаза.

— Не думай о ногах, Сашуля, — шептала она, и ее дыхание обжигало мне подбородок. — Расслабься. Дыши со мной. Почувствуй меня... Веди меня не руками, веди меня грудью.

Она заставляла меня закрывать глаза и просто ходить с ней по залу в плотном объятии. И постепенно, день за днем, лед начал таять. Я перестал считать такты в голове и начал слушать скрипку и бандонеон. Я начал чувствовать ее тело, каждое малейшее смещение центра тяжести, каждый импульс ее бедра, легчайшее давление ее ладони на мою спину.

В этом пустом зале с приглушенным светом напряжение между нами росло с каждым вечером. Когда мы вставали в позицию, соприкасаясь грудью, сплетаясь ногами в сложных фигурах, это было интимнее любых слов. Воздух вокруг нас, казалось, искрил от электричества.

В те моменты, когда у меня наконец получалось правильно повести ее в резкое вращение, или, когда она, послушная моему едва заметному движению, плавно выгибалась в моих руках, обнажая безупречную линию шеи, я испытывал абсолютно ни с чем не сравнимый восторг от пьянящего осознания собственной мужской силы и того безграничного доверия, которое она мне дарила.

За эту неделю танго мы узнали друг друга с совершенно новой стороны. Я учился брать на себя ответственность за каждое наше совместное движение, быть ведущим и защитником на паркете. А она, такая сильная, властная, независимая в обычной жизни, училась тотально доверять мне, полностью отдавая себя в мои руки, позволяя себе быть слабой и ведомой.

К концу нашей безумной танцевальной недели мы уже не просто разучивали шаги. Мы по-настоящему танцевали. В наш последний вечер в арендованном зале Шуля поставила самую пронзительную мелодию. Мы двигались по паркету как единый организм, наши тени скользили по стенам и зеркалам. Я жадно вдыхал аромат ее духов, смешанный с запахом разогретого тела, и ловил каждое сбивчивое дыхание у самого своего уха.

Мы настолько растворились друг в друге и в этой пульсирующей мелодии, что весь остальной мир просто перестал существовать. Тяжелые двустворчатые двери зала, которые мы обычно закрывали, в этот раз, видимо, остались слегка приоткрытыми.

Наконец музыка стихла, растворившись под высокими потолками зала, но мы не разомкнули объятий. Мы стояли в центре пустого паркета, тяжело дыша, намертво прижавшись друг к другу, и только тогда я краем глаза уловил какое-то движение.

Повернув голову, я замер от неожиданности. У приоткрытых дверей, в полумраке, стояли несколько человек. Это были горничные, пара официантов из ресторана и даже тот самый бармен Дэвид. Они стояли абсолютно тихо, наблюдая за нашим танцем. Кто-то из девушек прижимал ладони к щекам, в их глазах читался неподдельный восторг.

Оказывается, этот наш последний танец собрал невольных зрителей из работников отеля, а мы, оглушенные стуком собственных сердец и музыкой, даже не замечали их присутствия.

В наступившей тишине раздались негромкие, но искренние аплодисменты, а Дэвид одобритительно кивнул мне и улыбнулся.

Шуля, тяжело дыша, обернулась к дверям. В ее глазах, темных и бездонных от нахлынувших эмоций, не было ни капли смущения — только гордость, и та самая властная, обволакивающая нежность. Она грациозно склонила голову в легком поклоне, благодаря наших невольных зрителей, а затем крепко сжала мою руку, и в этом молчании не нужно было никаких слов. Границы между нами в тот вечер стерлись окончательно.

Мы вышли из зала сквозь этот импровизированный коридор улыбающихся людей, так и не разомкнув рук. Путь до нашего люкса на двенадцатом этаже показался невыносимо долгим — он словно полностью выпал из реальности. В памяти осталось лишь тяжелое прерывистое дыхание Шули и оглушительный пульс в моих собственных висках. Неделя невероятного напряжения и нашего немого диалога на паркете, где каждое движение было наполнено скрытой страстью, требовала выхода. Это больше нельзя было сдерживать...

Едва мы переступили порог, и дверь люкса с глухим щелчком закрылась за нашими спинами, Шуля даже не дала мне включить свет. Темнота прихожей поглотила нас.

Она резко развернулась, и я услышал стук ее танцевальных туфель о паркет. В следующую секунду Шуля сама вжала меня спиной в прохладное дерево закрытой двери. Ее руки, те самые, что так послушно и мягко лежали на моих плечах во время танца, теперь с отчаянной, хищной силой впились в мои волосы.

Ее губы жадно накрыли мои, властно, без малейшего намека на нежность. Это было продолжение нашего танго, но теперь без правил и без музыки. Вкус ее губ, терпкий от недавнего напряжения и солоноватый от испарины, свел меня с ума.

Я перехватил инициативу, повинаясь тому самому инстинкту ведущего, который она вбила в меня все эти семь дней. Одним резким движением я поменял нас местами, теперь уже прижимая Шулю спиной к стене коридора. Она тихо вскрикнула прямо мне в губы, то ли от неожиданности, то ли от восторга, и этот звук заставил меня действовать быстро и решительно.

Мои руки скользнули по гладкому шелку ее облегающего черного платья. Я нащупал глубокий разрез на бедре, и ткань с легким треском поддалась, открывая горячую, влажную кожу. Шуля тяжело дышала, запрокинув голову и подставляя шею под мои поцелуи. Ее грудь судорожно вздымалась, прижимаясь к моей рубашке.

— Да... Саша, да... — сорвалось с ее губ низким, срывающимся шепотом, когда я стянул с нее всю одежду и нежно провел ладонью между ее бедер.

Она тоже не стала ждать. Ее ловкие пальцы уже рвали пуговицы на моей рубашке, обжигая грудь сухим жаром ладоней. Я подхватил ее под бедра, и она, всё еще не сняв свои туфли на высоком каблуке, привычным, невероятно грациозным движением обхватила меня ногами за талию, замыкая нас в этот тесный и крепкий замок.

Я не понес ее в спальню. До кровати было слишком далеко, а времени не было совсем.

Прямо там, в полумраке прихожей, прижимая ее к стене, я рывком освободил нас от остатков преград. Шуля выгнулась дугой, когда мы наконец стали одним целым. Ее пальцы впились в мои плечи с такой силой, что я едва не зарычал.

Наш ритм был бешеным, рваным, неистовым, как то самое аргентинское танго, под которое мы исполняли свой последний танец. Только теперь вместо скрипки и бандонеона в темноте звучали лишь наши стоны и глухие удары моего тела о ее. Я чувствовал, как перекачиваются сильные мышцы на ее спине и бедрах, как ее тело отзывается на каждый мой толчок абсолютной, безоговорочной отдачей.

Она больше не была моим учителем, а я не был робким учеником. Мы были двумя стихиями, столкнувшимися в замкнутом пространстве. Шуля искусала мне губы, ее дыхание обжигало, а длинные ноги в танцевальных туфлях сжимали меня всё крепче, не давая ни единого шанса отстраниться.

— Только не останавливайся... води меня... води... — почти кричала она в исступлении, стирая последние границы реальности.

Напряжение, копившееся целую неделю, взорвалось сокрушительной волной. Я ощутил, как тело Шули вытянулось, словно звенящая струна. Она жадно и ритмично отвечала на каждое мое движение, доводя нас обоих до абсолютного предела. Она запрокинула голову, ее пальцы судорожно сжались на моей спине, и долгий протяжный стон разорвал тишину номера. Через долю секунды этот же оглушительный пик накрыл и меня, заставив ослепнуть на мгновение в абсолютном экстазе...

Мы замерли, всё так же прижатые к стене у входной двери. Мое лицо уткнулось в изгиб ее шеи, вдыхая смешанный запах ее парфюма и нашей страсти. Шуля тяжело, прерывисто дышала, уткнувшись лбом в мое плечо. Ее тело всё еще мелко дрожало в моих руках.

В прихожей по-прежнему было темно. Никто из нас так и не дотянулся до выключателя. Одежда была разбросана на полу. Я медленно опустил Шулю на ноги, но она не отстранилась, лишь устало и бесконечно доверчиво с нежностью прижалась ко мне, обхватив меня за шею.

— Вот теперь, Сашуль... — прошептала Шуля, счастливо улыбаясь в темноту, — теперь наш урок танго окончен...

Глава четвертая. Сталь и нежность старого города

Любовь — это когда один человек может вернуть другому самого себя.

Рэй Брэдбери

Сентябрь 1996 года. Литва, г. Вильнюс.

Пролетели еще два дня, наполненные долгими прогулками, нашими разговорами и той невероятной, всепоглощающей близостью, которая теперь связывала нас прочными нитями. Мы словно жили в своем собственном измерении, где время измерялось лишь стуком наших сердец, работающих в унисон.

Но реальность за окном продолжала идти своим чередом. Вечером второго дня, когда мы отдыхали в номере после ужина, Шуля вдруг стала непривычно задумчивой. Она сидела на краю дивана и наконец посмотрела на меня.

— Сашуля... — тихо начала она. — Завтра с утра мне нужно уехать в Вильнюс. По работе. На объекте возникли срочные вопросы по проекту, требующие моего присутствия. Мне так не хочется расставаться с тобой даже на пару дней, но... работа есть работа.

Слова о расставании резанули слух. За эти дни я настолько привык к ее присутствию, что мысль остаться в Шяуляе одному казалась невыносимой. Я не хотел отпускать ее от себя ни на час, ни на минуту...

— А зачем нам вообще расставаться? — я подсел к ней ближе и крепко взял ее ладони в свои. — Возьми меня с собой. Остаться здесь одному, слоняться по пустому городу и этому огромному номеру — я же просто сойду с ума от тоски. Я еду с тобой, если ты, конечно, не против.

Лицо Шули мгновенно преобразилось. Грусть в глазах сменилась искристой теплотой. Она крепко сжала мои руки и улыбнулась:

— Правда поедешь? ... А я всё сидела и ломала голову, как бы тебе это предложить! Боялась, что тебе будет скучно мотаться со мной по моим командировкам.

Вопрос был решен. На следующее утро, наскоро позавтракав, мы пешком отправились на автовокзал.

Между городами Шуля передвигалась на автобусах. По жестким условиям ее контракта, итальянская компания, с которой она сотрудничала уже почти три года, предоставляла ей всё по высшему разряду: роскошные номера люкс для проживания и автомобили представительского класса с личным водителем для передвижения внутри каждого из трех рабочих городов — Вильнюса, Шяуляе и Клайпеды. Но вот маршруты между городами она планировала самостоятельно и для этой поездки выбрала обычный междугородний автобус, благо ходили они каждые два часа.

Мы неспешно дошли до автовокзала, благо он находился совсем близко, и заняли соседние места в салоне. Шуля всю дорогу спала, положив голову мне на плечо, а я слушал ровный гул мотора и чувствовал себя абсолютно счастливым человеком...

По прибытии на автовокзал Вильнюса нас ждал обещанный комфорт. Прямо у перрона был припаркован блестящий черный представительский «Мерседес». Возле него стоял высокий, подтянутый водитель в строгом костюме лет сорока. Заметив нас, он расплылся в приветливой улыбке.

— Здравствуйте, Сулико Тимуровна! Рад снова вас видеть, — учтиво произнес он, открывая перед Шулей заднюю дверь.

— Здравствуй, Витас. И я рада, — тепло, но по-деловому ответила Шуля и представила меня: — Это Александр, познакомьтесь.

Я подошел к Витасу и пожал ему руку. Он кивнул в знак приветствия.

Мягко заурчав двигателем, «Мерседес» плавно влился в городской поток и вскоре нырнул в хитросплетение узких улиц старого Вильнюса, где всё дышало историей и спокойной размеренной жизнью. Витас остановил машину у изящного кованого крыльца небольшой частной двухэтажной гостиницы. Ее фасад с деликатной подсветкой идеально вписывался в старинную архитектуру квартала...

Нас проводили на второй этаж. Когда портье открыл тяжелую дверь из массива дуба, я невольно замер. Пространство люкса дышало безупречным, ослепительным шиком, в котором ультрасовременный дизайн невероятно тонко переплетался с духом старого здания.

Сразу у входа располагался элегантный гостевой санузел, отделанный темным глянцевым мрамором. Дальше открывалась просторная гостиная с высокими потолками, дорогим натертым паркетом и массивным кожаным диваном глубокого графитового цвета. Из гостиной двустворчатые двери вели в огромную спальню с кроватью королевских размеров, застеленной тяжелым шелком. А уже из спальни был вход в главную ванную комнату. Это был настоящий храм удовольствий, где помимо огромной стеклянной душевой кабины, сверкающей хромом, на специальном подиуме возвышалась роскошная белоснежная ванна на чугунных ножках.

Но главным украшением этого номера был большой балкон.

Шуля, скинув туфли, распахнула стеклянные двери и шагнула на свежий воздух. Я вышел за ней. Прямо перед нашим балконом, словно живая ширма, раскинул свои ветви с пожелтевшей осенней листвой одинокий каштан, чья крона дотягивалась как раз до второго этажа.

Внизу расстилалась небольшая, круглая площадь, аккуратно вымощенная брусчаткой. А прямо напротив, через эту площадь, привлекало взгляд стильное кафе. Оно светилось теплым светом сквозь огромные, переделанные панорамные окна, которые казались очень смелым, но безупречно гармоничным решением для исторического района города. Шуля облокотилась на кованые перила балкона, вдохнула прохладный осенний воздух и, перехватив мой восхищенный взгляд, победно улыбнулась.

— Ну как тебе наша вильнюсская резиденция, Сашуля? — с легкой, лукавой гордостью в голосе спросила она. — Знаешь, итальянцы селят меня именно в этот номер не просто так.

Она изящным жестом обвела пространство вокруг, а затем указала на площадь внизу.

— Реконструкция этой двухэтажной гостиницы... и вон того кафе напротив с панорамными окнами — это всё мои проекты.

— Я буквально по кирпичику собирала здесь каждый миллиметр, высчитывая идеальные пропорции, чтобы заставить эту старину звучать в абсолютном унисоне с современным комфортом.

Я посмотрел на кафе, потом на безупречные линии нашего балкона, а затем перевел взгляд на Шулю. Ветер слегка трепал ее черные волосы. В этот момент я испытывал к ней не только страсть, но и колоссальное уважение. Она была не просто потрясающе красивой женщиной, она была Творцом с большой буквы.

Я подошел сзади, обнял ее за талию, притягивая к себе, и уткнулся лицом в ее волосы.

— Здесь очень красиво, Шуля, — искренне прошептал я. — И знаешь, что самое прекрасное? Что в этом созданном тобой великолепии мы снова будем вместе...

Разобрав немногочисленные вещи, мы спустились вниз. Выйдя из приятного полумрака гостиницы, мы оказались на залитой мягким, но уже по-осеннему прохладным солнцем маленькой площади. Шурша опавшей листвой, мы неспешно пересекли ее и подошли к тому самому кафе, о котором Шуля с такой гордостью рассказывала на балконе.

Вблизи масштаб ее работы впечатлял еще сильнее. Огромные панорамные окна, филигранно вмонтированные в тяжелую старинную кладку здания, словно стирали границу между мощеной улицей и внутренним залом. Тяжелая дверь с мелодичным звоном поддалась, и нас тут же окутал густой, дурманный аромат свежемолотого кофе, пряного базилика и горячей сдобы.

Интерьер был безупречен. Шуле удалось совершить настоящее архитектурное чудо: она не просто сохранила историческую душу этого места, она заставила ее звучать по-новому.

Мы заняли лучший столик у самого окна. Отсюда вся площадь была как на ладони, а прямо напротив красовался фасад нашей гостиницы и тот самый каштан под балконом. Я смотрел на открытые сводчатые кирпичные потолки и потемневшие от времени могучие дубовые балки, которые удивительно гармонично сочетались с изящной мебелью на тонких металлических ножках и теплым, приглушенным светом дизайнерских ламп.

— Знаешь, Сашуля, — Шуля провела тонкими пальцами по гладкой поверхности нашего столика из светлого дерева, — когда я впервые зашла в это помещение, здесь были глухие стены, сырость и крошечные окна-бойницы. Подрядчики умоляли меня зашить потолок гипсокартоном. Говорили: «Зачем вам эти старые балки? Это же лишняя морока!»

Она рассмеялась, и в уголках ее губ собрались те самые очаровательные морщинки.

— И что ты им ответила? — улыбнулся я, любуясь тем, как горят ее глаза.

— Я ответила, что, если они тронут хоть один кирпич, заказчик разорвет с ними контракт, — с притворной строгостью произнесла она, а затем ее голос смягчился. — Я буквально воевала за каждый правильный стык, за каждую линию света. Хотела, чтобы люди сидели здесь, пили кофе и чувствовали дыхание времени, не жертвуя при этом современным комфортом...

Обед прошел в удивительно легкой, непринужденной атмосфере. Нам принесли традиционный литовский холодный борщ. Ярко-розовый и густой, который здесь подавали с каким-то особенным изяществом в глубоких керамических тарелках, вприкуску с обжаренной горячей картошкой. Затем последовала невероятно нежная телятина под густым ягодным соусом, а пили мы терпкое красное вино, чокаясь бокалами...

— Ну что, коллега, — Шуля изящно промокнула губы салфеткой и с хитрым прищуром посмотрела на меня.

— Обед был великолепен, но теперь моя очередь быть экскурсоводом. Шяуляй показывал мне ты, а теперь я покажу тебе мой старый Вильнюс.

Мы вышли на улицу. Воздух стал еще прозрачнее, он приятно охлаждал щеки и слегка пах дымом из печных труб. Где-то в старых домах уже начали топить. Шуля плотнее запахнула легкое пальто, уверенно взяла меня под руку, прижавшись плечом, и мы растворились в лабиринте узких, причудливо изогнутых улочек.

Старый Вильнюс в тот сентябрьский день казался декорацией к историческому фильму. Мы шли неспешно, без всякого маршрута, просто повинувшись изгибам улиц. Вокруг возвышались здания с красными черепичными крышами, то и дело нам открывались уютные внутренние дворики, спрятанные за тяжелыми коваными воротами, и старые кирпичные стены, увитые начавшим краснеть диким виноградом.

Шуля преобразилась. Она шла уверенно, как хозяйка, ее глаза сияли профессиональным восторгом. Она постоянно обращала мое внимание на детали, которые обычный прохожий просто не заметил бы.

— Посмотри на этот фасад, Сашуля, — она останавливалась у очередного старинного здания, проводя рукой в воздухе, словно очерчивая невидимые линии. — Это же чистое барокко. Видишь, как мягко, почти текуче переплетаются формы? Какая сложная пластика у

этих карнизов... а вот там, в конце улицы — уже суровая готика. Здесь архитектурные эпохи наслаиваются друг на друга, как геологические пласты.

Мы вышли к костелу Святой Анны. Это кружевное архитектурное чудо из красного кирпича тридцати трех разных форм взмывало в осеннее небо своими острыми, невесомыми шпилями.

Шуля замерла, глядя на него с затаенным дыханием.

— Легенда гласит, что Наполеон, увидев этот костел, пожалел, что не может положить его на ладонь и забрать с собой в Париж, — тихо произнесла она. — Я его прекрасно понимаю. Смотри, Сашуль... он кажется таким хрупким, словно сплетенным из нитей, а не сложенным из обожженной глины. Здесь застыла вечность.

Мы еще долго бродили по старому Вильнюсу. Поднимались по вымощенным камнем склонам, заходили в крошечные, пропахшие янтарем, воском и старой бумагой сувенирные лавки, спускались к холодным водам реки Вильняле.

Я слушал ее красивый, чуть с акцентом голос, и время от времени просто останавливался, притягивал ее к себе прямо посреди узкой улицы и целовал. И она отвечала мне с такой же жадностью и нежностью, ничуть не стесняясь редких прохожих...

Солнце начало клониться к закату, окрашивая шпили башен, черепицу и брусчатку в густой медово-янтарный цвет. Город медленно погружался в вечерние сумерки. Зажглись первые старинные фонари, отбрасывая длинные, теплые тени на мостовую и создавая атмосферу абсолютного уединения.

Мы изрядно устали, наши ноги гудели от многочасовой ходьбы по камням, но внутри разливалось глубокое, звенящее умиротворение. Держась за руки и деля на двоих одно большое счастье, мы медленно побрели обратно к нашей маленькой круглой площади с каштаном — туда, где за тяжелой дубовой дверью гостиницы нас ждала наша первая вильнюсская ночь...

Тяжелая дубовая дверь люкса закрылась за нами с мягким, отсекающим все внешние звуки щелчком. Мы даже не стали включать свет. В просторную гостиную сквозь не зашторенные окна падал бледный свет уличных фонарей и луны, пробивающийся сквозь пожелтевшую крону старого каштана.

Долгая прогулка по мощеным улицам оставила после себя приятную, тягучую усталость, но стоило нам остаться одним в этой звенящей тишине, как она мгновенно уступила место совершенно иному напряжению.

Шуля сбросила туфли, небрежно оставив их прямо на ковре прихожей, и сняла пальто. Я забрал его из ее рук, чтобы повесить, но она не дала мне отстраниться. Едва слышно выдохнув, Шуля шагнула ко мне вплотную и уткнулась лбом в мою грудь. От ее волос всё еще пахло осенним ветром, прохладой старого города и тем самым, неуловимым, но сводящим с ума ароматом ее парфюма.

Я обнял ее, зарываясь лицом в густую копну темных волос. Мои ладони скользнули по ее спине. Под тонкой тканью ее платья я чувствовал, как бьется ее сердце так часто и сильно, словно после долгого бега.

Она медленно подняла голову. В полумраке номера ее глаза казались совершенно темными, бездонными. В них не было слов, только абсолютное, беззащитное доверие и голодное желание, которое невозможно было больше сдерживать.

Я коснулся ее губами... Поцелуй, начавшийся нежно и осторожно, в следующую секунду вспыхнул как спичка, брошенная в сухую листву. Шуля ответила с такой жадностью, словно этот долгий день без прикосновений был невыносимой пыткой. Ее прохладные пальцы скользнули под мою рубашку, обжигая разгоряченную кожу.

Мы двигались в сторону спальни медленно, не разрывая объятий, спотыкаясь и натыкаясь на мебель, направляемые лишь лунным светом и первобытным инстинктом. Одежда падала на пол бесформенными тенями, оставив нас абсолютно обнаженными.

Когда мы оказались на огромной кровати, тяжелый, прохладный шелк простыней контрастом обжег спину, но эта прохлада исчезла в ту же секунду, как только Шуля прижалась ко мне всем телом. В этой вильнюсской ночи не было той неистовой, дикой лихорадки, как после танго. В ней была глубокая, осознанная магия двух людей, которые окончательно поняли, что принадлежат друг другу.

Я покрывал поцелуями каждый сантиметр ее идеального тела. Мои губы скользили по линии ее изящной шеи, спускались к ключицам, к высокой, упругой груди, которая вздымалась в такт ее прерывистому дыханию. Шуля выгибалась навстречу моим прикосновениям, ее пальцы зарывались в мои волосы, а тихие, прерывистые стоны тонули в полумраке спальни.

— Сашуля... мой Сашуля... — шептала она, словно в бреду, крепко сжимая мои плечи.

Когда мы стали единым целым, мир за окнами окончательно перестал существовать. Остался только ритм нашего дыхания и тени, скользящие по стенам. Каждое мое движение отзывалось в ней абсолютной отдачей.

Я смотрел на ее лицо, освещенное бледным лунным светом, на полузакрытые глаза, прикушенную нижнюю губу, капельки испарины на висках, и понимал, что красивее женщины не существует на всем белом свете.

Она обхватила меня своими сильными, длинными ногами, притягивая еще ближе, словно пыталась стереть даже этот миллиметр расстояния между нами. Наш ритм становился всё глубже, всё отчаяннее. В каждом ее вздохе, в каждом движении ее податливого, горячего тела читалась такая безграничная нежность, от которой перехватывало дыхание...

Напряжение росло, скручиваясь тугой пружиной, пока не разорвалось ослепительной волной. Шуля вскрикнула, запрокинув голову назад, ее тело напряглось, замирая на самой высокой ноте наслаждения, и этот оглушительный пик накрыл нас одновременно, лишая последних сил...

Мы долго лежали в тишине, не размыкая объятий. Мягкое одеяло укрывало нас от ночной прохлады. Я чувствовал, как медленно успокаивается ее пульс под моей ладонью. Шуля свернулась калачиком, привычно положив голову мне на грудь, и ее дыхание постепенно стало ровным и глубоким.

Старый город за окном погрузился в сон. И в эту ночь, здесь, в самом сердце Вильнюса, не было ни прошлого, ни огромных расстояний, а только ее ровное дыхание и наше общее, обволакивающее тепло...

Утро встретило нас ярким солнцем, лучи которого путались в пожелтевшей листве старого каштана за окном. Проснувшись, я еще долго лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в ровное дыхание Шули и чувствуя себя безгранично счастливым.

Мы заказали завтрак прямо в номер. Сидя за небольшим стеклянным столиком у распахнутых на балкон дверей, мы пили крепкий кофе с горячими круассанами. Шуля, одетая в мой халат, выглядела по-домашнему уютной и расслабленной. Но, сделав глоток кофе, она вдруг бросила взгляд на свои наручные часы, лежащие на столике, и в ее глазах появилась та самая знакомая мне деловая сосредоточенность.

— Сашуль, — она отставила чашку и посмотрела на меня, — мне через час нужно быть на объекте. Поедешь со мной? Мне будет спокойнее, если ты будешь рядом. Да и твое мнение мне точно не помешает.

— Конечно, поеду, — улыбнулся я. — Мне самому интересно посмотреть, как там.

Шуля вызвала машину, и спустя час мы уже подъезжали к историческому зданию почти в самом центре столицы. Снаружи оно было аккуратно затянуто строительной сеткой, но внутри кипела настоящая работа. Едва мы переступили порог, нас оглушил гул перфораторов, звон металла и терпкий запах цементной пыли, смешанный с запахом сварки. Это была та самая, знакомая нам обоим стихия стройки.

Будущий торговый дом «Армани» поражал своим размахом. Высоченные потолки, обнаженная старинная кладка, которую Шуля решила сохранить, и сложная система современных металлических конструкций, которые должны были стать основой для стеклянных галерей.

Шуля уверенно шла впереди, ловко обходя строительные леса и штабеля материалов. Я шел следом, с интересом осматриваясь.

Но вдруг Шуля резко остановилась. Она замерла перед массивной металлической конструкцией — опорным каркасом будущей парадной лестницы. Я тоже присмотрелся и, как инженер, сразу заметил неладное: несущие балки были смонтированы с явным нарушением осей, а сварные швы выглядели так, словно их делали на скорую руку.

Спина Шули напряглась, словно натянутая струна. Она медленно сняла солнцезащитные очки и повернулась ко мне. Ее лицо побледнело, а губы сжались в тонкую линию.

— Сашуль... — ее голос звучал тихо, но в нем звенел металл. — Подожди меня здесь минутку, пожалуйста... Я быстро...

Она развернулась и стремительным шагом направилась вглубь зала, где сустились рабочие. И через несколько минут мое внимание привлек громкий голос, донесшийся из-за временной перегородки.

Я сделал несколько шагов в ту сторону и невольно замер. За перегородкой Шуля отчитывала бригадира. Это была не та нежная, мурлыкающая Шуля, которая кормила меня завтраком с ложечки. Это была настоящая фурия, защищающая свое детище.

— Вы вообще в чертежи смотрели?! — ее голос разносился по гулкому помещению, хлесткий, как удар хлыста. — Я вас спрашиваю, вы проект открывали или на глаз устанавливали?! Это несущая конструкция, а не декоративный забор на даче! У вас там явное отклонение от осей! А сварочные швы?! Там что, первоклассник работал?!

Грузный бригадир в запыленной спецовке пытался что-то невнятно промямлить в свое оправдание, разводя руками, но Шуля не дала ему вставить ни слова.

— Меня не волнуют ваши оправдания! — жестко, с ледяным спокойствием чеканила она каждое слово, вплетая в свою речь такие крепкие, сугубо строительные выражения, от которых у меня даже брови поползли вверх. — А если эта конструкция рухнет?! Чтобы до завтра всё это убожество было срезано и смонтировано заново, строго по моим проектным отметкам! Иначе я прямо сейчас звоню заказчикам, и они разрываю контракт с вашей фирмой, и вы ничего не получите. Я ясно выражаюсь?!

— Понял... Всё переделаем, — обреченно выдохнул бригадир.

Я бесшумно отступил обратно. Честно говоря, я был поражен. Я знал, что она талантлива и умна, но увидеть в этой хрупкой, изящной женщине такую стальную хватку и бескомпромиссную жесткость было для меня настоящим открытием. И, как ни странно, это вызывало лишь еще большее уважение.

Через пару минут из-за перегородки вышла Шуля. Она тяжело дышала, на ее скулах горел румянец гнева, а глаза всё еще метали молнии. Подойдя ко мне, она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Извини, пришлось немного скорректировать рабочий процесс, — сухо произнесла она, поправляя волосы.

Я посмотрел на нее с легкой, понимающей полуулыбкой.

— Что там случилось, Шуля? Ребята решили упростить себе жизнь и завалили балки?

Шуля замерла. Она посмотрела на меня расширившимися глазами, и румянец гнева на ее щеках мгновенно сменился краской смущения. Вся ее стальная броня вдруг куда-то испарилась.

— Ты... ты что, всё слышал? — тихо спросила она, и ее голос дрогнул.

— Случайно, — кивнул я. — У тебя отличный командный голос. И весьма... богатый строительный лексикон.

Шуля закрыла лицо руками и тихо простонала. Ей вдруг стало невероятно неловко. Она опустила руки и посмотрела на меня взглядом провинившейся школьницы.

— О боже... Сашуля, прости меня, пожалуйста, — она шагнула ко мне и виновато уткнулась лбом в мое плечо. — Мне так стыдно перед тобой. Я вообще-то не такая! Я терпеть не могу кричать и ругаться... Но иногда на стройке они просто отказываются понимать нормальный человеческий язык, пока на них не рявкнешь! Ты, наверное, теперь думаешь, что я какая-то истеричная стерва...

Я рассмеялся, обнял ее за плечи и крепко прижал к себе прямо там, посреди пыльной стройки.

— Шуля, глупая ты моя, — ласково сказал я, целуя ее в макушку. — Я думаю только о том, что ты очень хороший специалист. И что ты невероятно красива, когда злишься. А эти строители еще легко отделались. Я бы на твоём месте заставил их переделывать всё еще вчера.

Она облегченно выдохнула, подняла голову и неуверенно улыбнулась.

— Правда не напугала?

— Меня напугать прорабом в юбке? — я подмигнул ей. — Ни за что. Пойдем, показывай, что тут у вас еще есть...

Мы продолжали осматривать будущий торговый зал, обсуждая детали, когда гул стройки вдруг как-то неуловимо изменился. Рабочие, до этого громко переговаривавшиеся между собой, вдруг притихли и расступились.

Из-за временной перегородки появилась делегация от заказчика. Это было весьма колоритное и забавное зрелище несколько мужчин: в безупречных дорогих итальянских костюмах, увенчанные обычными пластиковыми строительными касками.

Во главе этой группы шел главный представитель компании: импозантный итальянец лет сорока, высокий, по-спортивному подтянутый, с аккуратными, щеголеватыми усиками и темными, пронизательными глазами. Он двигался с той врожденной, расслабленной грацией, которая выдавала в нем человека, привыкшего повелевать и получать желаемое.

Заметив Шулю, итальянец буквально расцвел. Его лицо озарилось широкой, белоснежной улыбкой, и он направился прямо к нам, раскинув руки в приветственном жесте.

Шуля мгновенно переключилась в рабочий режим. Она сделала шаг навстречу и заговорила с ним на том самом беглом, мелодичном итальянском, который я уже имел удовольствие слышать в нашем номере в Шяуляе. Их диалог был быстрым и эмоциональным. Я не понимал ни слова из этой словесной вязи, но внимательно наблюдал за происходящим.

В какой-то момент итальянец перевел взгляд на меня. В его глазах промелькнул немой вопрос. Шуля, не прерывая своей речи, с легкой улыбкой указала на меня рукой, и среди потока итальянских слов я отчетливо уловил знакомое английское словосочетание: «my friend». Видимо, чтобы мне было понятнее, или просто чтобы обозначить мой статус, не вдаваясь в подробности перед всей делегацией.

Услышав это, итальянец сделал паузу. Его улыбка стала чуть более натянутой. Он смерил меня долгим, оценивающим взглядом с ног до головы. В этом взгляде не было враждебности, но в нем читалась совершенно явная, колючая мужская ревность. Так смотрят на внезапно появившегося соперника, который нарушил чьи-то тщательно выстроенные планы.

Тем не менее, правила хорошего тона были соблюдены, он сделал шаг ко мне и протянул руку. Его рукопожатие было крепким, сухим и каким-то излишне демонстративным. Я ответил таким же твердым пожатием, спокойно выдержав его пронзительный взгляд.

Повисла легкая, неловкая пауза. Я прекрасно понимал, что сейчас начнется обсуждение проекта, согласование смет и чертежей, в которых мое присутствие будет лишь мешать. Да и стоять под этим колючим ревнивым прицелом итальянца не доставляло мне абсолютно никакого удовольствия.

— Шуля, — негромко сказал я, слегка коснувшись ее плеча.

— Вы тут работайте, обсуждайте детали. Я не буду вам мешать. Подожду тебя на улице, заодно подышу воздухом.

Она благодарно кивнула, в ее глазах мелькнула теплота, предназначенная только мне, и я не спеша направился к выходу, оставив их среди чертежей и строительных лесов.

Я стоял на улице, прислонившись к теплой кирпичной стене здания, и думал о Шуле. Осенний Вильнюс жил своей жизнью, мимо спешили прохожие, а у меня из головы не шел этот итальянец. Его взгляд был слишком личным для простого рабочего общения.

Примерно через полчаса дверь распахнулась, и на улицу вышла Шуля. Она тряхнула своими густыми темными волосами и, увидев меня, облегченно выдохнула, словно сбросив с себя тяжелый груз.

Мы пошли по улице прочь от стройки. Я молчал, давая ей возможность переключиться, но любопытство всё же взяло верх.

— Слушай, Шуля... — я с улыбкой посмотрел на нее.

— А почему этот ваш главный итальянец смотрел на меня так, будто я угнал его любимый «Феррари»?

Шуля тихонько рассмеялась, но потом тяжело вздохнула и взяла меня под руку, прижавшись покрепче.

— Ох, Сашуля... заметил всё-таки. Это Марко. И это очень давняя и немного утомительная история.

Она сделала небольшую паузу, собираясь с мыслями.

— Когда я только начала работать с этой компанией, Марко решил, что я должна стать не только их архитектором, но и его личным трофеем. Он очень долго и настойчиво пытался за мной ухаживать. Цветы, дорогие подарки, которые я возвращала, приглашения на ужины... Он даже предлагал мне всё бросить и уехать с ним в Италию, обещал золотые горы и собственное архитектурное бюро в Милане.

— И что же тебя остановило? — мягко спросил я, чувствуя, как внутри ворохнулось неприятное чувство собственничества. — Красивый мужчина, хорошая должность, Италия...

Шуля остановилась и повернулась ко мне. Ее глаза смотрели серьезно и очень глубоко.

— Во-первых, у меня есть жесткий железобетонный принцип: никаких романов на работе. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Это мгновенно разрушает и бизнес, и заработанную годами репутацию. Я тогда жестко его отшила, раз и навсегда расставив точки над «i». Мы партнеры, и точка.

Она провела прохладной ладонью по моей щеке, и ее губы тронула нежная улыбка.

— А во-вторых... теперь я понимаю, почему я тогда отказалась от Италии. Видимо, я просто должна была дожидаться своего вечера в баре Шяуля и одного настырного инженера-строителя.

Я перехватил ее руку, прижал ладонь к своим губам и улыбнулся в ответ. Ревность к итальянцу с его дорогими костюмами и ухаживаниями исчезла без следа, оставив после себя лишь гордость за ту женщину, которая сейчас шла со мной рядом...

Мы неспешно продолжили нашу прогулку по улицам осеннего Вильнюса, наслаждаясь этим вновь обретенным легким, безоблачным настроением. Проходя мимо широких стеклянных витрин крупного торгового центра, Шуля вдруг остановилась. Ее глаза озорно блеснули.

— Сашуль, пойдем зайдем! — она потянула меня за руку к распахнутым дверям. — Давай сфотографируемся на память?

В те годы, в середине девяностых, почти в каждом уважающем себя торговом центре стояли эти чудеса западной техники: небольшие автоматические будки моментального фото.

Мы быстро нашли такую кабинку на первом этаже, спрятавшуюся недалеко от входа. Задержав за собой плотную темную шторку, мы оказались в ограниченном, но невероятно уютном пространстве, где пахло озоном, пластиком и немного химическими реактивами. Вдвоем там было откровенно тесно, и нам пришлось вплотную прижаться друг к другу, что только добавило моменту романтики и веселой суесть.

Шуля порылась в своей сумочке, достала нужную монетку и со звоном опустила ее в металлическую щель монетоприемника. Автомат утробно загудел, оживая, и на панели замигал красный индикатор.

— Готов? — со смехом спросила она, на ходу поправляя свои непослушные волосы. — Сейчас вылетит птичка! Три, два...

Яркая, ослепительная вспышка прямо в лицо заставила нас зажмуриться. Автомат работал безжалостно и быстро, щелкая объективом каждые несколько секунд. Мы едва успевали придумывать и менять позы. На первом кадре мы просто счастливо, во весь рот улыбались в камеру. Ко второй вспышке Шуля вдруг смешно сморщила носик и показала язык, а я в этот момент удивленно скосил на нее глаза. Третья вспышка застала нас в крепком объятии: я прижал ее к себе, нежно целуя в висок. А перед самым последним кадром она резко повернула голову, обхватила мою шею, и наши губы слились в поцелуе.

Выбравшись из-за душной шторки, мы, смеясь, как нашкодившие школьники, стали ждать результат. Через пару минут автомат с легким жужжанием выплюнул в металлический лоток узкую глянцевую полоску с несколькими еще слегка влажными фотографиями.

Кадры вышли слегка засвеченными, но потрясающе живыми и искренними. Они буквально искрились нашим неподдельным, бьющим через край счастьем.

Шуля взяла эту ленту, посмотрела на нее с очень нежной, теплой улыбкой, а затем, аккуратно надорвав по краю, разделила ее ровно пополам.

— Держи, — она протянула мне половинку, оставив остальные себе. — Это тебе.

Она посмотрела мне в глаза, и ее тон вдруг стал шутливо-торжественным, но сквозь эту легкость проступила какая-то очень глубокая, почти клятвенная серьезность:

— Давай пообещаем друг другу. Что бы ни случилось в нашей жизни, как бы нас ни раскидала судьба, *мы сохраним эти фотографии*. Навсегда. Обещаешь?

— Обещаю, — тихо, без тени улыбки ответил я, бережно пряча глянцевый кусочек бумаги во внутренний карман куртки, поближе к сердцу.

Тогда, стоя посреди шумного вильнюсского торгового центра, я еще не знал, насколько пророческими окажутся эти ее слова, и какую роль предстоит сыграть этим маленьким, сделанным наспех снимкам в нашей дальнейшей жизни...

Вечер опустился на старый Вильнюс как-то незаметно, окутав его узкие улицы сизой дымкой и теплыми желтыми огнями старинных фонарей. После эмоционально насыщенного дня на стройке и той забавной, но показательной стычки с ревнивым итальянцем, мы вернулись к себе в номер, приняли душ, переоделись и спустились ужинать.

Мы выбрали столик в том самом кафе с панорамными окнами прямо напротив нашей гостиницы: в том самом зале, каждый кирпичик которого Шуля отвоевала у строителей.

Посетителей было достаточно. Внутри царила потрясающая атмосфера спокойствия. Приглушенный, теплый свет ламп мягко освещал наш столик. За огромным окном в сгущающихся сумерках тихо шелестел листвой старый каштан, а в наших бокалах рубиновым цветом играло терпкое вино. Звучала тихая джазовая музыка, мы сидели непозволительно близко друг к другу, соприкасаясь коленями под столом, и наслаждались этой умиротворяющей передышкой.

Вдруг Шуля, слегка покачивая бокал в руке, загадочно улыбнулась и посмотрела на меня своими глубокими серо-голубыми глазами. В них плясали лукавые огоньки.

— Сашуля, — в ее голосе зазвучали те самые игривые, предвкушающие нотки, которые я уже так хорошо изучил. — А давай завтра вечером пойдем в театр?

От неожиданности я едва не поперхнулся вином. Театр? Признаться честно, я с юности не питал к этому виду искусства абсолютно никакой любви. Для меня, инженера-строителя, человека, привыкшего к реальным, осязаемым вещам, к запаху бетона, металла и пыли, все эти наигранные, громкие страсти на сцене всегда казались чем-то искусственным и невыносимо скучным. Я был готов пойти с ней куда угодно: бродить под холодным дождем, гонять на мотоциклах, да хоть снова вернуться на ту стройку и лично варить перекрытия, но только не чинно сидеть три часа в душном бархатном кресле, наблюдая за чужой придуманной жизнью.

Я уже открыл было рот, чтобы попытаться мягко отшутиться и перевести тему, но осекся.

Я посмотрел на ее сияющее, воодушевленное лицо, на эти прелестные ямочки в уголках губ, на то, как искренне она ждала моего ответа... И в этот момент я вдруг абсолютно четко осознал, что ради этой женщины я готов высидеть хоть десять самых скучных спектаклей подряд. Если это сделает ее счастливой, то я полюблю этот театр всем сердцем.

— В театр, значит? — я сделал легкий, притворно-обреченный вздох, но не смог сдержать абсолютно искренней, любящей улыбки.

— Ну что ж. Ради тебя я готов приобщиться даже к высокому искусству. Идем в театр.

Я помню, что тогда Шуля как-то загадочно улыбнулась, посмотрела на меня и накрыла мою руку своей теплой ладонью.

Но тут в моей голове, привыкшей мыслить практическими категориями, всплыла одна весьма существенная и очень неловкая деталь. Я опустил взгляд на свой свитер, потом посмотрел на джинсы и нахмурился.

— Только вот в чем проблема, Шуля... — я выразительно развел руками, показывая на свою повседневную одежду.

— Только вот идти мне совершенно не в чем. Я ведь собирался в обычную командировку и из приличной одежды для выхода в свет у меня с собой ровным счетом ничего нет. Не могу же я сопровождать такую роскошную женщину в театр в джинсах и повседневной куртке. Нас туда просто не пустят, да и мне будет стыдно идти рядом с тобой в таком виде.

Я немного подался вперед и, как человек дела, тут же предложил самый логичный план действий:

— Давай завтра с утра пораньше пройдемся по магазинам? Зайдем в какой-нибудь хороший бутик, и я куплю себе приличный классический костюм, туфли, рубашку. Я хочу соответствовать тебе и обстановке.

Я ожидал, что она тут же радостно согласится и начнет планировать наш маршрут по вильнюсским магазинам, предвкушая, как будет выбирать мне галстук.

Но Шуля отреагировала совершенно иначе. Она мягко погладила меня по руке, и в ее глазах мелькнула какая-то очень теплая, всепоглощающая нежность, смешанная с хитрой, почти озорной искоркой.

— Сашуля, — она ласково улыбнулась, чуть наклонив голову вбок, — не беспокойся. Завтра с утра мы всё решим.

В ее мягком голосе звучала такая абсолютная уверенность, что спорить было просто бесполезно. Что именно она задумала в своей прекрасной, гениальной голове, я не имел ни малейшего понятия, но за эти невероятные дни я уже привык полностью и безоговорочно ей доверять...

Следующее утро выдалось неспешным и уютным. Мы позавтракали прямо в номере, никуда не торопясь и наслаждаясь обществом друг друга. Я уже внутренне смирился с тем, что мы проведем первую половину дня, блуждая по магазинам, но Шуля, как выяснилось, приготовила совершенно иной сценарий.

Допив свой кофе, она вдруг взяла трубку отельного телефона и набрала какой-то номер. К моему удивлению, она заговорила на том самом быстром, мелодичном итальянском. Разговор длился минут пять. Шуля что-то увлеченно объясняла, уточняла, кивала собственным мыслям, а затем, бросив на меня хитрый взгляд, положила трубку. Тут же последовал второй звонок, на этот раз короткий:

— Витас, доброе утро. Жду машину у входа через тридцать минут.

Через тридцать минут она легко поднялась из-за стола, поправила волосы перед зеркалом и накинула пальто. Потом попросила меня встать и обошла меня вокруг несколько раз.

— Я скоро вернусь, Сашуля, — сказала она, направляясь к двери. — Подожди меня здесь. Только не уходи.

— А мне с тобой можно? — я удивленно поднялся с кресла. Оставлять ее одну и сидеть в четырех стенах, пусть даже таких роскошных, мне совершенно не хотелось.

Шуля обернулась уже в дверях. Ее глаза лукаво блестели.

— Нет, мой хороший, со мной нельзя. Иначе не получится сюрприза. Обещаю, я не заставлю тебя долго скучать.

Она послала мне воздушный поцелуй, и тяжелая дубовая дверь за ней захлопнулась. Я остался один в звенящей тишине огромного люкса. Целый час я мерил шагами гостиную, смотрел с балкона на пожелтевший каштан, пытался читать какой-то журнал, но все мысли крутились вокруг того, что же она задумала.

Ровно через час в коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась, и в номер вошла раздумавшаяся, сияющая Шуля. А следом за ней появился Витас. Наш невозмутимый водитель был буквально увешан огромными, плотными фирменными пакетами с лаконичной, но кричащей о статусе надписью «ARMANI».

— Доброе утро, Александр, — учтиво кивнул Витас, аккуратно опуская пакеты на массивный кожаный диван.

Я поздоровался. Справившись со своей ношей, Витас тактично попрощался и бесшумно удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

Я ошарашенно смотрел на эту гору пакетов, потом перевел взгляд на Шулю. Она сняла пальто, подошла к дивану и, обернувшись ко мне с невероятно счастливой улыбкой, торжественно произнесла:

— Ну вот, Сашуля. Это мой тебе подарок. И тот самый сюрприз, ради которого мне пришлось тебя ненадолго покинуть.

С этими словами она начала раскрывать пакеты. То, что она оттуда доставала, лишало дара речи. Это был не просто костюм, это был законченный, безупречный образ, собранный от и до: сначала на спинку кресла лег роскошный костюм-тройка. И не какого-нибудь скучного черного или серого цвета, а моего любимого, глубокого бордового оттенка. Я сначала подумал, как она смогла угадать мой цвет, но потом вспомнил, что мы как-то говорили об этом и бордовый тоже был ее любимым. Но как Шуля угадала мой точный размер, оставалось для меня абсолютной загадкой, видимо, глазомер архитектора и женская интуиция творили чудеса.

Следом появилась ослепительно белая, хрустящая сорочка, к которой прилагались тяжелые серебряные запонки. Затем, идеально подходящий под костюм шелковый галстук в бордово-черную полоску, изящная серебряная булавка для него и черный платок «паше». Шуля продумала всё до абсолютных мелочей: на диване оказались даже фирменные носки и коробка с шикарными кожаными туфлями «Armani» черного цвета. Финальным аккордом стал потрясающий черный плащ того же модного дома. Строгий, элегантный, из дорогой плотной ткани.

Я смотрел на всё это великолепие, разложенное по гостиной, и чувствовал себя так, словно попал в голливудский фильм.

В голове внезапно мелькнула забавная мысль: *«Эх, сюда бы еще черную шляпу с широкими полями, и я бы стал просто вылитым Адриано Челентано!»*

Я уже открыл было рот, чтобы пошутить на эту тему вслух, но в последнюю секунду прикусил язык. Я посмотрел на Шулю, на ее горящие энтузиазмом глаза, и вдруг совершенно четко осознал: если я сейчас заикнусь про шляпу, эта неугомонная женщина тут же развернется, снова вызовет Витаса и перевернет весь Вильнюс вверх дном, но найдет мне черную шляпу от «Armani» до начала спектакля. Рисковать я не стал.

— Шуля... — только и смог выдохнуть я, подходя к ней вплотную и обнимая за талию. — У меня просто нет слов. Это... это невероятно. Ты сумасшедшая. Самая прекрасная сумасшедшая женщина на свете.

Она счастливо уткнулась мне в шею.

— Иди примеряй, мой Челентано, — тихо рассмеялась она, словно прочитав мои мысли. — Мне просто не терпится увидеть тебя в этой одежде сегодня вечером...

Глава пятая. Премьера для двоих

Весь мир — театр, но роли в нем распределены из рук вон плохо.

Оскар Уайльд

Сентябрь 1996 года. Литва, г. Вильнюс.

Вечер мягко, но уверенно накрыл Вильнюс, растворив очертания старых крыш в густых сизых сумерках. В нашем номере горел приглушенный свет бра, создавая атмосферу театрального закулисья. Сегодня нам предстоял выход в свет. В драматическом театре Литвы давали чеховских «Трех сестер».

Оставшись в гостиной, я не спеша принял душ и приступил к примерке своего утреннего сюрприза. Поразительно, но одежда, которую Шуля купила без моего присутствия, руководствуясь лишь своим безошибочным глазомером архитектора, села на меня идеально, словно была сшита на заказ в дорогом миланском ателье. Глубокий бордовый цвет костюма-тройки смотрелся благородно и строго, белоснежная сорочка приятно холодила кожу, а тяжелые серебряные запонки добавляли образу тот самый финальный, аристократичный штрих. Глядя на себя в высокое зеркало, я с трудом узнавал в этом элегантном мужчине того строителя, который вместе с Шулей еще днем ходил по бетонным перекрытиям.

Шуля, как и полагается любой женщине, собирающейся поразить мир своей красотой, уединилась в спальне. Выход в театр затягивался. Я сидел на диване в гостиной, поглядывая на часы и прислушиваясь к шорохам за закрытой дверью.

Вдруг дверь спальни медленно приоткрылась, и на пороге появилась Шуля.

Я замер, так и не донеся бокал с минеральной водой до рта. На ней не было платья. Она вышла ко мне в одном лишь ослепительно сексуальном нижнем белье и тоже, разумеется, от «Armani». Тончайшее черное кружево бюстгалтера и трусиков невероятно контрастировало с матовой, теплой кожей. На ее длинных ногах были надеты прозрачные черные чулочки с широкой кружевной каймой.

Она стояла в дверном проеме, грациозно опершись плечом о косяк, и смотрела на меня с тем самым дразнящим, лукавым прищуром, от которого у меня мгновенно пересохло во рту.

— Ну как тебе? — томным, грудным голосом спросила она, чуть поведя бедром.

В эту секунду великий драматург и все его «три сестры» разом потеряли для меня всякий смысл. Животный первобытный инстинкт сразу ударил в голову. Я почувствовал, как бешено забилось сердце где-то в самом горле. Мои руки невольно напряглись. Как нормальный мужчина в эту секунду я хотел лишь одного: одним рывком преодолеть расстояние между нами, сорвать с себя этот безупречный бордовый костюм и остаться с ней в этом номере до самого утра.

Но я понимал, что, если сделаю хотя бы шаг в ее сторону, билеты в театр превратятся в бесполезные бумажки.

— Шуля... ты прекрасна... — мой голос прозвучал хрипло и непривычно низко. Я с трудом сглотнул, заставив себя отвести взгляд от идеальной линии ее бедер. — Но ты играешь с очень опасным огнем. Если ты сейчас же не оденешься, клянусь, мы ни в какой театр не поедem. Отыграем свою драму прямо на этом диване. Иди собирайся, пока я окончательно не сорвался.

Она звонко, победно рассмеялась, ничуть не испугавшись моей угрозы, послала мне воздушный поцелуй и, соблазнительно покачивая бедрами, скрылась обратно в спальне.

Ожидание продолжилось, но теперь воздух в гостиной казался наэлектризованным. Я мерил комнату шагами, пытаюсь успокоить сбившееся дыхание.

Спустя пятнадцать минут дверь спальни распахнулась снова. И на этот раз я был просто обескуражен. Шок, который я испытал, был сродни удару тока.

Передо мной стояла королева. Шуля выбрала платье от «Armani» того же благородного бордового цвета, что и мой костюм. Она продумала наш парный выход до гениальности. Платье сидело на ней как вторая кожа, подчеркивая каждый изгиб ее безупречной фигуры. Открытые плечи и глубокая линия декольте притягивали взгляд, а смелые, элегантные черные вставки по бокам делали ее талию визуально еще тоньше.

Ее темные, густые волосы были уложены в стильную прическу, открывая длинную, лебединую шею. И на этой обнаженной шее тусклым, гипнотическим блеском мерцало тяжелое ожерелье из настоящего черного жемчуга.

На ногах красовались классические черные лодочки на высокой шпильке. В руках она держала элегантное черное пальто и крошечный театральный клатч.

Я смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. В этой женщине удивительным образом сочетались обжигающая сексуальность и ледяной, недостижимый аристократизм. Я вдруг осознал, что готов положить к ее ногам весь мир, не говоря уже о каком-то театре.

— Сашуля? — она чуть склонила голову набок, вопросительно приподняв идеальную бровь. — Ты так и будешь молчать? Или мы всё-таки едем?

Я медленно подошел к ней, взял из ее рук пальто и бережно накинул ей на плечи. Затем наклонился и почти благоговейно поцеловал ее в обнаженное плечо, чуть выше линии жемчуга.

— Ты невероятная... — искренне, почти шепотом произнес я.

— Я обещаю тебе Шуля сегодня в этом зале ни один человек не взглянет на сцену. Все будут смотреть только на тебя.

Шуля довольно улыбнулась, аккуратно взяла меня под руку, и мы вышли из номера, готовые покорить этот вечер...

Мы спустились по лестнице в холл гостиницы. Дежурный портье, обычно приветствовавший нас легким кивком, на этот раз замер на месте, забыв закрыть журнал постояльцев, и проводил нас совершенно ошеломленным взглядом.

На улице нас уже ждал Витас. Увидев нас, он поспешно вышел из машины и распахнул заднюю дверцу «Мерседеса». Наш всегда невозмутимый водитель не смог скрыть восхищения.

— Добрый вечер, Сулико Тимуровна... Вы выглядите просто невероятно, — произнес он с искренним почтением, слегка склонив голову, а затем одобрительно кивнул мне. — Александр.

Мы плавно тронулись с места. Черный представительский автомобиль мягко скользил по вечернему Вильнюсу, отражая на своих полированных боках желтый свет уличных фонарей, и вскоре подъехал к зданию драматического театра Литвы...

Здание театра впечатляло своей монументальной, но при этом изящной архитектурой. Снаружи, в свете вечерних прожекторов, строгий фасад казался величественным храмом искусства.

Витас остановил машину прямо у главного входа. Я вышел первым, обошел автомобиль и подал руку Шуле. Когда она грациозно покинула салон, опираясь на мою ладонь, мне показалось, что даже шум проспекта на секунду стих.

Мы толкнули тяжелые деревянные двери и оказались внутри. Просторный вестибюль театра дышал торжественностью. Высокие потолки с лепниной, начищенный до зеркального блеска мраморный пол, массивные колонны и огромные хрустальные люстры, заливающие пространство теплым, искрящимся светом. Воздух здесь был особенным и пах дорогим парфюмом, пудрой, свежей типографской краской театральных программ и слегка пыльным, сладковатым запахом старого бархата.

До начала спектакля оставалось около двадцати минут, и фойе было полно людей. Вильнюсская интеллигенция, степенные пары, нарядные дамы и мужчины в строгих костюмах неспешно прогуливались перед зеркалами и общались.

Мы направились к гардеробной. Я уверенно вел Шулю под руку. Мой черный плащ «Armani» поверх бордового костюма и ее потрясающее бордовое платье, под расстегнутым пальто, подчеркнутое нитью черного жемчуга на обнаженной шее, создавали идеальный, безупречный дуэт.

И тут начало происходить нечто невообразимое. По мере того, как мы продвигались вглубь фойе, привычный гул голосов, стал стихать. Люди, увлеченные своими беседами, вдруг замолкали на полуслове и оборачивались в нашу сторону. Это происходило не как обычная случайность, а словно по плавному взмаху невидимой дирижерской палочки. Театральная публика замерла в шоке. Толпа в фойе невольно расступалась перед нами, образуя живой коридор.

В 1996 году, несмотря на уже открытые границы, увидеть людей, одетых с таким бескомпромиссным, безупречным итальянским шиком, было сродни фантастике. Мы выглядели как пара голливудских актеров или наследников аристократического рода, случайно перепутавших Ла Скала с Вильнюсским театром.

Я спиной чувствовал эти взгляды, от которых мне почему-то было не по себе. В них смешалось всё: искреннее восхищение, нескрываемое любопытство, зависть и немой вопрос: — «Кто они такие?» Женщины не отрывали глаз от идеальной посадки платья Шули и ее жемчуга, а мужчины с затаенной ревностью и уважением смотрели на меня.

Шуля шла так, словно этот коридор из восторженных взглядов был ее естественной средой обитания. Ее спина была идеально прямой, подбородок слегка вздернут, а на губах играла легкая, снисходительная полуулыбка. Она шла легко, и только я чувствовал, как крепко ее пальцы сжимают мой локоть, что выдавало ее волнение.

Мы подошли к стойке гардероба в звенящей тишине. Пожилой гардеробщик, привыкший ко всему на своем веку, немного суетливо и с необычайным почтением принял мой плащ, а затем я бережно снял черное пальто с плеч Шули, окончательно обнажив ее шею и плечи. По фойе прокатился едва слышный вздох.

Я взял номерок, предложил Шуле руку, и мы медленно направились к мраморной лестнице, ведущей в партер, оставив позади себя сотни людей, которые в этот вечер точно запомнят не только чеховских «Трех сестер», но и наше появление.

Поднявшись по лестнице, мы вошли в зрительный зал. После яркого света хрустальных люстр здесь царил приятный, обволакивающий полумрак. Пространство партера Вильнюсского драматического театра дышало благородной классикой: тяжелый бордовый бархат кресел, изящная лепнина на ярусах лож и массивная, торжественная сцена, пока еще скрытая за плотным занавесом.

Билеты, купленные Шулей, оказались на лучших местах: прямо в центре партера. Когда мы заняли свои кресла, я поймал себя на забавной мысли: их глубокий бордовый цвет обивки идеально гармонировал с ее платьем и моим костюмом. Мы словно растворились в этой театральной эстетике, став ее самой красивой, но незапланированной частью.

Вскоре свет начал медленно меркнуть. Огромная люстра под потолком погасла, зал погрузился в темноту, и под тихий шелест раздвигающегося занавеса спектакль начался.

На сцене разворачивалась классическая чеховская драма. Декорации старинной усадьбы, долгие монологи, метания героев, их тоска по несбыточному и вечное повторяющееся:

«В Москву, в Москву!» Актеры играли блестяще, но, признаться честно, сюжет трогал меня мало. Все эти сценические страдания казались мне чем-то бесконечно далеким. Моей единственной реальностью и моей подлинной вселенной была потрясающая женщина, сидев-

шая совсем рядом. В темноте зала наши руки на подлокотнике сплелись. Я слушал ее ровное дыхание, вдыхал тонкий аромат ее духов и чувствовал себя абсолютно счастливым человеком, которому никуда не нужно было бежать.

Но примерно в середине первого акта, когда страсти на сцене начали накаляться, я вдруг почувствовал, как пальцы Шули напряглись и с силой, до побелевших костяшек, сжали мою ладонь.

Я мгновенно перевел взгляд на нее. В неверном свете софитов, отражавшемся от сцены, я увидел, что она слегка побледнела и чуть ссутулилась, словно пытаюсь сжаться в комок.

— Шуля, — одними губами, едва слышно прошептал я, наклонившись к самому ее уху. — Что случилось?

Она тяжело сглотнула и, чуть повернув голову, так же тихо ответила:

— Что-то низ живота резко схватило. Прямо режет. Не пугайся, вроде уже отпускает. Наверное, просто сильный спазм.

Ее голос дрогнул, и в нем промелькнула совершенно не свойственная ей слабость. Мое сердце болезненно сжалось. Желая хоть как-то приободрить ее, передать ей свое тепло и защиту, я мягко приобнял ее за обнаженные плечи, притянул к себе и нежно, успокаивающе поцеловал в изгиб шеи, прямо над холодной ниткой черного жемчуга.

В этот момент идиллия была грубо разрушена. Сидевшая прямо за нами сухопарая, строгая дама в годах, которая, видимо, давно и с раздражением наблюдала за нашей парой, не выдержала. Она подалась вперед и ядовито, с возмущенным придыханием прошипела нам прямо в затылки:

— Молодые люди! Хватит разговаривать, обниматься и целоваться! Вы находитесь в театре, имейте совесть!

Ее резкий шепот прозвучал как выстрел. Несколько человек на соседних рядах недовольно заерзали, зашикали, оборачиваясь в нашу сторону.

Я уже набрал в грудь воздуха, чтобы весьма доходчиво объяснить этой даме, куда ей следует направить свое внимание, но Шуля меня опередила. Она выпрямилась, ее пальцы легли мне на запястье, останавливая. В глазах, еще секунду назад затуманенных болью, снова сверкнула сталь.

Она повернулась ко мне, и ее лицо оказалось совсем близко.

— Сашуля... — тихо, но очень твердо сказала она. — Давай уйдем отсюда. Мне здесь душно. И этот спектакль... я больше не хочу его смотреть.

Я не раздумывал ни доли секунды.

— Конечно. Пойдем.

Мы поднялись со своих мест прямо посреди действия, не дожидаясь спасительного антракта. Это было вопиющим нарушением театрального этикета. Нам пришлось протискиваться к проходу мимо недовольно поджимающих колени зрителей. В спину нам летели осуждающие взгляды и возмущенное шиканье, но нам обоим было абсолютно наплевать.

Забрав пальто и плащ у удивленного гардеробщика, мы наконец вырвались из душного, пропахшего старой пудрой фойе на улицу.

Тяжелые деревянные двери закрылись, отрезав от нас театральный мир с его выдуманными драмами и чужими правилами. Осенний Вильнюс встретил нас спасительной прохладой. Воздух казался невероятно свежим и вкусным. Озираться в поисках нашего блестящего черного «Мерседеса» не имело смысла. Мы не ждали Витаса, потому что Шуля, словно предчувствуя, что этот вечер пойдет не по классическому сценарию, отпустила нашего водителя еще до первого звонка, сказав, что обратно мы с удовольствием прогуляемся сами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.